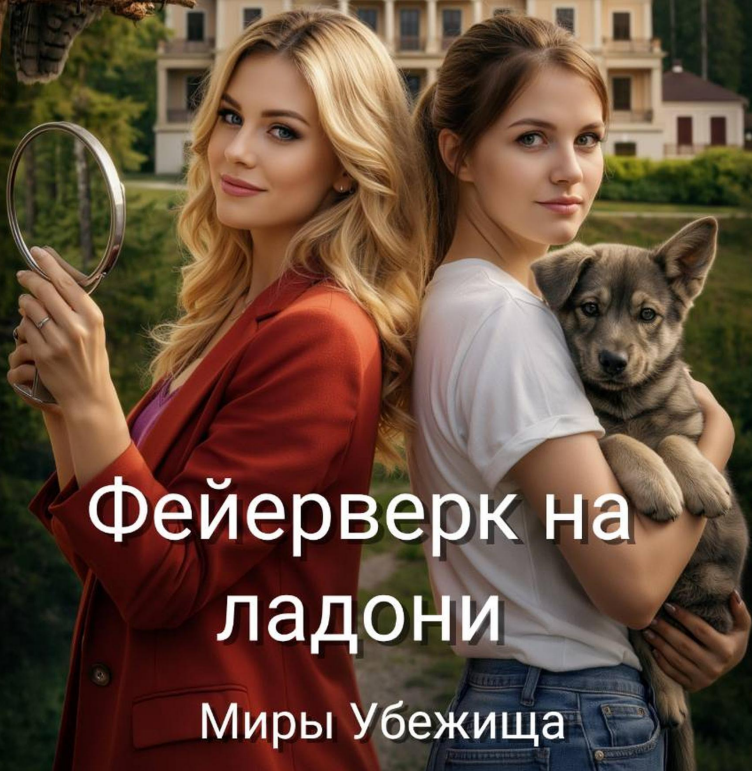

Назарова Ольга

Фейерверк на ладони

Миры Убежища

Ольга Назарова
Фейерверк на ладони
Серия «Миры Убежища», книга 4

<https://litres.ru/73744191>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что может пойти не так при встрече родственников? Да что угодно!

Анатолий, считая себя главой рода Скобяновых, давно решил, что он вправе руководить родными и много лет помогал им, снабжал деньгами и советами, мечтая о том, как выкупит и восстановит старый фамильный особняк, и вот наконец этот день настал!

Все приехали, только вот родственники оказались совсем не такими, какими их себе представлял Анатолий Петрович покорная и тихая бывшая жена его кузена вовсе не жаждет брать на себя заботы о муже, а её сын и знать не хочет блудного отца.

Одна из племянниц, которую он считал глупой и никчёмной, оказалась самостоятельной умницей, а её красавица-сестра капризной и эгоистичной особой.

А третья племянница на первый взгляд упитанная и неинтересная, как выяснилось, обладает сильным характером,

прекрасным чувством юмора, и вполне привлекательной внешностью.

Кто знает, какие ещё сюрпризы преподнесут родственники главе рода, и каким фейерверком закончится родственная встреча?

Содержание

Глава 1. Фейерверк на ладони	5
Глава 2. Время сбора камней	18
Глава 3. Однако, глава семьи	30
Глава 4. Самец стрекозы	46
Глава 5. Возврат добра доброподателю	58
Глава 6. Финт кроткой и покорной	72
Глава 7. Совершенно очаровательный ребёнок	84
Глава 8. Пропажа сокровища	98
Глава 9. Эволюция нелюбви	110
Глава 10. Надиванное счастье	127
Конец ознакомительного фрагмента.	142

Ольга Назарова

Фейерверк на ладони

Глава 1. Фейерверк на ладони

Кто бы мог подумать, что совершенно рядовой, обыденный можно сказать, разговор между мужем и женой может вылиться в такое необычное времяпрепровождение...

– Короче, пригласили нас в гости! – сообщил муж жене, покосившись на взъерошенную светлую макушку.

– В гости? Не хочу!

– Но... очень зовут.

– Пусть зовут сколько влезет! Не поеду! Я только-только нашла нам дачу своей мечты, только-только аж пять раз там была, и что? Пропустить целые ноябрьские праздники? Нее, не поеду!

– Томочка... мама просит, – вздохнул муж.

Это меняло дело!

С будущей свекровью Тома познакомилась странно – Никита привёл её в гости как раз тогда, когда у его матери шёл ремонт. Нет, не просто шёл, а маршировал по квартире, нервам, да и в принципе по жизни Анны Павловны.

Никита вёз невесту к маме и раздумывал, а смогут ли они хоть немного поладить... Если честно, то мнение мамы ни-

как не повлияло бы на его планы женитьбы, но всегда же хочется, чтобы любимые люди могли нормально общаться. Только очень уж они разные. Прямо скажем... кардинально противоположные!

Мама у него мягкая, спокойная, с очень покладистым характером, уязвимая, что уж там.

А невеста... ну, Тома – это Тома – фейерверк на ладони!

Тамара с самого раннего детства прекрасно понимала, что люди могут сильно отличаться друг от друга. Ну, вот её папа и мама – спокойные, миролюбивые, тихие... а она?

– Это ж не ребёнок, а пороховой склад в песочнике! – ахала мама над последствиями пребывания крошечной Томочки на детской площадке.

– Как, КАК ты это сделала?

– КакТА! – кратко отвечало её ненаглядное дитяtko, непостижимым образом сломавшее здоровенную, капитально сделанную карусельку. Стояла себе каруселька, стояла, а потом кряк... и печально склонилась в сторону как сломанная герань.

– Тома... а как ты побила мальчика? – старательно сдерживал смех отец, глядя на пострадавшего, который был больше Томуси раза в четыре и значительно старше.

– КакТА! – исчерпывающе объясняла Тома.

– А зачем? – отцы, они всё-таки чуть иначе рассуждают, поэтому Томе приходилось пускаться в объяснения:

– А он Масю обидел! – тычок пальцем в «Масю», то есть переживающего рядом соседа Мишку, объяснял всё.

Впрочем, и сломанная каруселька тоже вполне заслужила поломки – выпадающий снизу болт крепления мог натворить дел, а Тома его заметила и устранила как явление – чтобы он никого не обидел – вынула и хозяйственно выкинула в урну.

– Слушай, и как этот поборник справедливости веса пера будет жить, а? – переживала Томина мама. – Она же постоянно влипает в невозможные происшествия.

– Вот как-то так и будет! – вздыхал Томусин отец. – Как поборник справедливости с характером порохового склада и весом пера.

Напророчил, что называется.

Тома преотлично понимала, что характер у неё и правда не ахти. Но...

– Раз он у меня такой, то это зачем-то же требуется! – решила она, уже став чуть постарше и где-то краем уха услышав стихи Маяковского «Если звёзды зажигают – значит, это кому-то нужно».

– Ну, вот, например, мама и папа говорили и говорили соседу, чтобы он музыку ночью не включал на полную катушку, а я взяла и ЗАСТАВИЛА его не включать... Они просят, а я действую. Они молчат, а я – я воплю...

Тома хмыкнула, припомнив, как на соседа подействовал её вопль в полпятого утра... А всего-то она подтянула к его окну, у которого он спал, динамик, закреплённый на конце

лыжной палки, и включила звуковой залп! Очень, очень даже позитивно вышло... Сосед, правда, с перепугу чуть в окно не вышел, но это детали.

– Зато музычку теперь включает вежливо и выключает вовремя – понимает, что я ж, если что, и дальше могу воздействовать! Вот мамапапины тихие уговоры и мои громкие действия так славно и сработали! Если родители не могут громко – я могу! Если я не могу спокойно – они могут. Это... равновесие природы! То есть я – уравниватель!

Именно так, считая себя уравнивающей силой природы для слишком тихих людей, Тома росла-росла, росла-росла и доросла до знакомства с будущей свекровью. А стоило только им познакомиться, усесться рядышком на диване, а Никите – Томиному жениху – вспомнить, что он, кажется, не выключил фары и отправиться их проверить, как в квартиру ввалилась толпа строителей во главе с прорабом.

Свекровь ответственно вышла их встречать, и как-то слишком в прихожей стало шумно...

Нет, пару минут Тома посидела спокойно, но это редкое для неё явление шустро испарилось, стоило ей только услышать, как этот самый прораб разговаривает:

– Анна Пална, вы чё вааще, а? Я ж вам по-русски говорю, что красить будем сегодня! А вы чё? Сроки сорвать хотите? У меня завтра бригада разъезжается! Кароч... не мешайтесь!

– Но вы же обещали две недели назад покрасить, потом всё перенесли, потом ещё перенесли, потом мы договори-

лись на завтра, а сегодня я не могу – у меня сын девушку привёл познакомиться, – лепетала растерянная Анна Павловна.

– Да и чё? Знакомьтесь на здоровье, а мы покрасим! Завтра нас уже тут не будет стопудово!

Собственно, это было последнее рискованное предложение прораба, потому что из комнаты вышла миниатюрная симпатичная девица, нехорошим взглядом осмотрела строителей, подошла поближе к собеседникам, одним движением руки задвинула за спину опешившую Анна Павловну и...

К приходу Никиты прораб осознал почти всё... не понял только, как ему живым-то выбраться из этой квартирке, где была такая слабовольная и удобная клиентка.

– Вы меня хорошо поняли? Если ваш клиент вежлив и идёт вам навстречу, то это не означает, что ей можно на шею усаживаться и диктовать, когда ВАМ удобно что-то там делать! – рычала на него мелочь, которая только что на его глазах позвонила его директору, пригрозила устроить ему глобальную антирекламу, привлечь контролирующие органы, Роспотребнадзор, миграционную службу и полицию. Причём телефон начальства она с ходу вытрясла из самого опешившего прораба, которого никогда в жизни ещё не брали за отвороты спецовки и не трясли такие нежные ручки...

– А миграционка-то тут при чём? – простонал обескураженный прораб.

– А вы уверены, что НИ ОДИН из ваших работников не имеет никаких проблем с регистрацией? Уверены? Чудесно!

А если будут придирааться к запятым в заявлениях и заверениях переводов паспортов? – коварно уточнила агрессивная пигалица, правильно оценив выражение лица «подзависшего» прораба.

– А полиция?

– Полиция всегда при чём-то! Вот вы уверены, что весь материал, закупленный Анной Павловной на месте? А? А если я ПРОВЕРЮ? – Томочка сощурилась так, что прораб ужался в размерах...

– Так что? Когда вы завтра придёте?

– Ээээ... – прораб было хотел по привычке назначить время, а потом опомнился:

– А это... когда будет удобно Анне Павловне?

– Правильный ответ! – одобрила эта мелкая хищная мартышка. – Только учтите... я живу не очень далеко. Могу завтра и прогуляться в этом направлении!

Никита ничего не понял... ему пришлось переставлять автомобиль, который мешал проезду, но всё равно отсутствовал он не очень-то долго, а из двери маминой квартиры уже спинами вперёд вываливалась немаленькая такая толпа строителей. И лица у всех были этикие... слегка задумчивые. Кроме прораба – тот пребывал в откровенном шоке.

– Это же уму непостижимо! Такая мелочь, а кидается как тигра хищная! – бормотал он, напрочь забыв о планах завтра прошвырнуться с мужиками на рыбалку.

– Понятно... Томочка нашла несправедливость и поборо-

лась с ней! – с ходу поставил диагноз Никита.

– Интересно, мама тоже в шоке? – заинтересовался он.

Нет, он ошибся.

Мама была в восторге! Когда она сообразила, что эта девочка сразу же ринулась её выручать и вообще за неё сражается аки лев, она умилилась, а увидев впечатляющие результаты, решила, что если Никита любит эту девушку, то лучшей невесты ему в принципе не найти.

– Мам, люблю, не волнуйся. Да, она, конечно, вспылчивая, громкая, характер... – объяснял вечером Никита. Он, как человек уже переживший стадию острой влюблённости, пришёл к мнению, что и на солнце есть пятна, так что наличие парочки крохотных... гм... особенностей характера его Тома – вещь нормальная и для него вполне понятная.

– Ну должны же быть у девушки какие-то ОСОБЕННОСТИ личности. Томочка – просто умница и сокровище! – уверенно заявила Анна Павловна. Вот с этой дивной уверенностью она и жила.

А Тома, раз и навсегда признав свекровь «бедной птичкой», с удовольствием решала все её проблемы со слесарями, электриками, соседями по подъезду и прочими личностями, которые пытались её обидеть. Вскипала моментально, точно – кипящим гейзером выплёскивая возмущение на виноватых, да так, что они при одном упоминании «моей любимой невестки Томочки» разом теряли желание нахамить или сделать что-то спустя рукава.

Поэтому, услышав от мужа о том, что Анна Павловна попросила их поехать в гости, Тома прищурилась и уточнила:

– А что? Что-то случилось? И вообще, куда зовут? Кто зовёт?

– Родня отца... Когда отец маму бросил, среди всех его родных её поддерживал только папин двоюродный брат Анатолий Павлович. И поддерживал, и помогал. Вот он и просит приехать. И маму, и нас с тобой.

– А кто ещё будет?

– Да куча родственников, – вздохнул Никита. – Мама их не очень-то любит... ну, и я тоже.

– С этого бы и начинал! То есть мою Анночку Павловну там попытаются задеть?

– Стопудово.

– Так о чём речь? Когда едем? – Тома хищно потёрла руки и прищурилась. – Да... кстати... насколько я понимаю, полное уничтожение места, куда нас пригласили, не планируется?

– Ну... вообще-то нет. Анатолий Павлович, ну, дядь Толя, купил и привёл в порядок какой-то интересный дом. А что?

– Как что? Должна же я распланировать, берём мы с собой детей или нет? Если разрушения отменяются, то Славик и Варя побудут с моими родителями. Заодно и за Мией они присмотрят, – Тома нежно погладила маленького котёнка, сидящего на её тапочке.

– А Вафля? – Никита обернулся на здоровенного рыжего

и крайне флегматичного котяру. – За ним кто присмотрит? Ты просто как-то странно сказала...

– Да это Варфоломей за всеми присмотрит! – рассмеялась Тома. – Он точно сможет! Ты же его знаешь!

Кот лениво приоткрыл один глаз и одобрительно покосился на Тому – хозяйку он любил, уважал, но точно знал, что присматривать надо за всеми членами семьи без исключения, а особенно за ней – он её уравнивает! Особенно когда висит на шее.

Именно благодаря этому решению к новому, а точнее, к старому, но восстановленному дому Анатолия Павловича Скобянова выехала машина с тремя гостями.

Из пункта А в пункт Б машина ехала вполне благополучно: Анна Павловна рассказывала невестке о родственниках, которых она может встретить в гостях, Никита непоколебимо отклонял все просьбы супруги пустить её за руль, а сама Тома пыталась понять, что же за тип этот самый Анатолий Павлович.

– И что это за дядечка, и где он там живёт?

С чего компашку родичей вдруг в гости зазовёт? – на знакомый мотивчик неотвязно крутились слова в голове Тома.

– А мы такой компанией возьмём да и припрёмся к дяде...

А что это за дядя?

– Ой, он удивительно душевный человек, – вздыхала Анна Павловна. – Он так мне помогал, когда... когда отец Никиты меня оставил.

– Не тебя оставил, а нас бросил, когда мне было всего три месяца! – мрачно поправлял свою дипломатичную маму Никита. – И свалил со всеми деньгами, которые в доме были!

– Так и запишем – бывший муж и отец – коз... не, натуральный крокодил! – про себя делала заметочку Тома.

Она, конечно, знала, что отец Никиты бросил семью, укатив с возлюбленной, роман с которой скрывал долго и упорно – несколько лет – типа очень заботился о жене. Потом почему-то резко перестал заботиться, выбрав самое «подходящее» для этого время – а что? Сыну уже три месяца, практически взрослый мужик вырос, чего уж там дальше-то страдать в разлуке с любимой.

Но вот про деньги она слышала первый раз.

– Какой... гм... благородный человек, а? – прошипела Тома.

– Да, чрезвычайно! – сухо подтвердил Никита. – И алименты платил по паре тысяч три раза в год!

Анна Павловна невесело покивала головой, а потом заулыбалась:

– Зато Толик очень выручал – и деньги, и продукты, и вещи для Никиты привозил постоянно.

– А почему же я никогда не видела этого щедрого и доброго дядю? – Тома дождалась, пока Анна Павловна задремала, и подёргала мужа за рукав, привлекая его внимание.

– Потому что он уехал работать на север. И очень успешно там развернулся.

– А не слышала почему? Ну ты мне про него ничего не рассказывал.

– Том... если честно, ты и сейчас бы про него не услышала, если бы он маму не напряг – он хороший человек, но полон всяких прекраснодушных идей под самую завязку! – неожиданно раздражённо отозвался Никита.

– Я более чем уверен, что помогал он нам с мамой потому, что с его точки зрения, поступок отца кидал тень на род Скобяновых, а дядя вообще на всяких таких понятиях повёрнут. Мама, правда, думает, что это Толик из благородства, но ты ж её знаешь, она и в гиене что-то хорошее найдёт. Нет, ты не думай, я ему очень благодарен и всё такое, только вот уже давно расплатился за помощь, но он же всё время маме про это напоминает. И сейчас напомнил, мол... я ж помогал, ты и Никита тоже члены семьи, принадлежите к роду Скобяновых.

– Род Скобяновых?

– Ага... предки по отцу были Скобяновы – купцы, которые владели сначала лавками, а потом и небольшие заводики начали строить, хотя... я думаю, что это скорее цеха были, которые так гордо прозывались. Короче, дом, куда мы едем, когда-то этим купцам и принадлежал. Только ты не говори Анатолию, что про это знаешь, он явно собирается сам поведать о том, как выкупил родовое гнездо!

– О как... ехали в гости, а оказалось аж в родовое гнездо летим! – сформулировала Тома. – Интересно, и скольких

«птах» он так вызвал?

– Боюсь, что всех, до которых мог дотянуться, – вздохнул Никита.

– Боишься?

– Том, нет ничего более странного, чем сборище людей, которые друг с другом практически не ладят, местами терпеть друг друга не могут, но при этом вынуждены делать вид, что они – типа семья!

Он вздохнул и продолжил:

– Для меня семья – это мы с тобой и наши дети, мама, твои родители – это ближний круг. Дальний – мои двоюродные по маме, с которыми мы поддерживаем отношения, племян, которого ты недавно так лихо привела в чувство. Ну ещё твоя тётка и троюродные – тоже вполне себе нормальные и мы ладим, их тоже вполне можно считать дальним кругом семьи. А вот это дядькино приклеивание плавников к перьям я в упор не понимаю! Если бы он к маме не докопался, я бы и с места не сдвинулся, а так он её уже полтора месяца обрабатывал!

Тома внезапно развеселилась. Вообще-то за эмоции в семье отвечала она и ответственно выдавала цунами из этих самых эмоций, а муж, наоборот, был непоколебимой и невозмутимой платформой – основой их семьи. А тут вон оно как...

– И в Никите можно найти вулкан, если копать в эмоционально верном направлении! – сделала Тома хулиганский

вывод. – Ну-ну, полагаю, нас ждут незабываемые празднички! Особенно... особенно если это их прекраснодушный дядечка догадался позвать на семейный слёт и Никитиною папеньку!

Глава 2. Время сбора камней

Ехали долго. Белорусское направление делало леса всё темнее и темнее, и Тома точно знала, что многие дачные посёлки, мимо которых они проезжали, стоят на болотистых почвах – по работе в своё время наездилась...

Никита свернул с трассы на боковую дорогу, потом ещё и ещё раз, проехали деревушку, нырнули под мрачноватые лапы старых-престарых елей, а ещё через какое-то время мимо скопления строительной техники проехали по мосту через речку.

– Уже немного осталось. Дядя сказал, что после революции усадьбу Скобяновых передали под санаторий, потом под дом отдыха, после перестройки он пришёл в полнейший упадок, какое-то время его держали в этом полуразрушенном состоянии, а потом выставили на продажу. А когда дядя вернулся в Москву и решил, что после северных просторов ему тут некомфортно, то начал искать, где бы купить землю для постройки чего-нибудь этакого... достойного его размаха и стиля жизни.

– И купил родовые развалины? – саркастически уточнила Тома.

– Точно! Решил поинтересоваться судьбой усадьбы – он когда-то тут мимо проезжал, а узнав, что дом давно продаётся, посмотрел, да и купил. Потом несколько лет восстанавливал.

ливал, и вот...

– Счастье, счастье нам привалило! Слёт в родовое поместье купцов!

– Ты как всегда точна в формулировках! – невесело кивнул Никита, выезжая из леса.

– А вот и заборчик, – вздохнул он. – Дядя говорил, что кто-то там из наших предков, решив сделать всё «не хуже, чем у дворянчиков», ворота и забор тоже изобразил.

«Заборчик» поражал монументальностью – всё как в лучших домах! Направо и налево от капитальных столбов, поддерживающих тяжеленные кованые створки, ныряли в лес бесконечные решётки основательного и высоченного забора.

– Слушай, а как это всё на металлолом-то не разобрали, а?

– Очень просто – мост видела? Когда дом отдыха развалился, мост ремонтировать тоже перестали – кому он нужен-то был? Развалился мост быстро, восстанавливать тогда никто и не собирался. А без моста ничего отсюда толком не вывезти – места болотистые, брод найти теоретически можно, а практически...

– Можно завязнуть и утопнуть вместе с тяжеленным металлоломом?

– Точно! Короче, попытки были, потому как дядя рассказывал, что часть забора он нашёл как раз у реки.

– А когда это он успел тебе так много рассказать?

– Да это он не мне, а маме вещал по громкой связи, когда я у неё мебель собирал, – вздохнул Никита, проезжая мо-

нументальные ворота и следуя затейливо украшенной разноцветным гравием, подъездной дорожке. – Он маме голову два часа морочил, так что я много чего наслушался.

Дом действительно выглядел впечатляюще – такой основательный двухэтажный купеческий особнячок, который скорее ожидаешь увидеть на старой улочке в окружении ему подобных. В ноябрьском голом саду, который жался к стенам особнячка, словно стараясь спрятаться от тёмного елового леса вокруг, дом смотрелся как-то не на месте.

– Солидно, однако... – прокомментировала Тома. – Очень я всё это бохххатство люблю и уважаю. Только вот не понимаю, зачем он нас-то пригласил, да ещё так настойчиво?

– Ну скоро узнаем. Буди маму, – велел Никита. – Правда, меня больше даже интересует, а почему это он настойчиво просил не опаздывать к обеду. Прямо все ужи прожужжал!

Анатолий Павлович Скобянов ежедневно с удовольствием обходил свой дом – просто для того, чтобы в очередной раз насладиться гулким эхом собственных шагов по паркету, видами из окон, прохладой мраморных перил и подоконников, теплом от батарей.

– Да-да... и никогда я не восстановлю эту громаду, и не нужен он никому! Да что б вы все понимали! – спорил он про себя с воображаемыми оппонентами.

Впрочем, они были не очень-то и воображаемыми – практически все родственники, с которыми он поддерживал тес-

ное общение, узнав о его планах, наперебой старались его отговорить, предлагая бесконечные варианты размещения его денег на какие-то более разумные нужды.

– С их точки зрения, разумеется! – посмеивался Скобянов. – И непременно моих денег! Свои они почему-то не вкладывают в «беспроигрышные дела».

Дом был полностью готов к приёму гостей. Точнее, не гостей, а родичей. Именно членов семьи Анатолий Павлович решил собрать у себя на дебютный приём. Ну и пообщаться с ними поближе, да и кое-что провернуть... точнее, этого кое-чего было несколько.

– А мы вот так, вот так и этак! И всем будет хорошо! – рассуждал Анатолий, обожавший многоходовки с большим количеством задействованных в них участников.

Вот это «всем будет хорошо» он очень любил и всегда старался устраивать дела именно с подобным результатом. Так дал образование сыну, так благоустраивал его жизнь, так помогал родным, так... так даже судьбу бывшей супруги не упускал из виду. А что? Она тоже член семьи Скобяновых – сын-то от неё!

Правда, бывшая жена раз за разом посылала его всё дальше и дальше, категорически отказавшись ехать на семейное сборище, но Анатолий Павлович не унывал:

– Ничего-ничего, Матвей её уломает!

Правда, сын Матвей в этот раз тоже не приедет, но это объяснимо – он руководит отцовской компанией и серьёзно

занят.

– Зато остальные будут как штыки! – посмеивался Анатолий. – Ещё бы! Время разбрасывать камни и время их собирать!

Сбор камней, в смысле сбор членов рода Скобяновых, ожидался знатный.

– Две мои сестрицы с семьями – Верка с мужем и дочкой Викой, Валька с мужем и двумя дочками, Стешей и Полиной.

Мужья сестёр Анатолия не интересовали – оба заядлые рыбаки, так что с утра и до ночи, а то и ночами, будут пропадать у реки и парочки небольших заболоченных озёр. Зато сестрицы и племянницы... да, это будет интересно!

– Аннушка будет – это преотлично. Никитка... смешной мальчик, интересно, какая у него жена? Фото так и не выслал, упрямец такой. Дети... Надо не забыть дать распоряжение, чтобы для младшей приготовили что-нибудь из детского меню, – размышлял Анатолий.

– А уж какой им всем будет сюрприз!

Тома разбудила свекровь, которая недоуменно воззрилась на дом.

– Ой, ну надо же! Какой большой... Зачем ему такое? Нет, понятно, что человек свои деньги волен вкладывать как хочет, но... Матвей за Уралом, и живёт там, и работает. Вряд ли сможет часто сюда наезжать, а одному тут как-то очень уж тоскливо – от людей далеко.

– Ну, скорее всего, он нанял кого-то – за такой махиной в одиночку не присмотришь. Да и когда снег начнётся – упахаться можно даже площадку перед домом почистить, я уж про подъездную дорогу вообще молчу. Ты спала, а вот Тома может подтвердить, что тут прямо непомерные просторы.

– О! Смотри-ка... – Анна Павловна, прищурясь, высмотрела появившуюся справа из сада монументальную женскую фигуру, которая как ледокол двигалась к двери дома. За женщиной как на буксире следовала целая делегация – три девушки и тощая дама.

– Кажется... кажется, это Вера и Валентина – родные сестры Толика. А девушки – видимо, их дочери.

– Родственницы, короче говоря, – вздохнул Никита, выходя из машины.

Дверь дома распахнулась, и на невысоком крыльце появилось новое действующее лицо – среднего роста мужчина, лысоватый, седоватый, улыбающийся и до того любезный, что Тома сразу поняла – это как раз и есть гостеприимный дядюшка.

Надо сказать, и не ошиблась!

– Анечка, Никита! Ну, наконец-то! А эта красавица – твоя жена? Тома, да? Я вас давно вписал в семейное древо!

– И меня посчитали, – про себя усмехнулась Тома, заметив, как их рассматривают вышедшие из сада женщины.

– Если взять фонтанирующее дружелюбие дядюшки, прибавить кислоту, которую культивируют в себе практиче-

ски все эти дамочки, то получатся вполне себе прокисшие окрестности! Очень уж они нелюбезны! А по поводу, простите? Приехали мы по приглашению дядюси, дом его, и вряд ли они скидывались на семейный обед, так что нечего такие физиономии складывать как испорченные оригами! – просканировала атмосферу Тома.

– Ладно, в случае чего, мы всегда сможем уехать, – решила она.

А Анатолий Павлович всё сыпал и сыпал комплиментами в адрес Анны Павловны и Тома.

– А почему же вы деток не привезли? Я же их не видел ещё! Как же так? Никита, я же тебя просил!

– Дядь Толь, это было бы неудобно, – спокойно отозвался Никита.

– Ну какое тут неудобство? Им всё готово, комнаты их ждут. Я даже повару дал распоряжение по поводу детского меню. А ты...

– Да не тебе было бы неудобно, а им и нам, – Никита опыт общения с дядей имел, так что особо «мерсикать» не собирался. – Я же тебе сказал, что детей мы с собой брать не будем, – он только вздохнул – зная натуру дяди, мог бы и не стараться его переубедить – тот всё равно был уверен, что все его желания будут исполняться.

– Ну, ладно, ладно, бирюк... в следующий раз привезёте! Понимаете, Томочка, вы же первая отстрелялись!

– Что, простите, я сделала?

– В смысле, у вас у первой родилось новое поколение рода Скобяновых! – радостно возвестил Анатолий Павлович и, к счастью для себя, не рассмотрев толком выражение Томиного лица, переключился на подошедших женщин:

– Вот, Тома, тут у нас мои сёстры, Вера и Валентина, – Анатолий кивнул на монументальную Веру и тощую Валентину.

– А девушки – это Вика, Стешенька и Полина. Девочки, познакомьтесь с родственниками.

Вика – дочь Веры, отличавшаяся маминым сложением, кивнула угрюмо и протопала в дом. А Стешенька и Поля – дочери тощей Валентины, как привязанные остались у крыльца.

Стеша производила впечатление чего-то лёгкого, нежно-го, ласкового – светлые шелковистые локоны, большие и яркие голубые глаза, длиннющие ресницы, изящная фигурка. Вся эта ласковая нежность уставилась на дядю, лоя, впитывая каждое его слово, а потом послушно порхнула знакомиться.

– Нежное создание, от которого невозможно спастись! Недавно я что-то такое эфемерное видела! – Тома машинально разулыбалась, красиво отцепляя порхающую рядом Стешу сначала от мужа, а потом от свекрови.

– Ибо нефиг перед приличными людьми мельтешить! – изо всех сил сдерживалась Тома и победила себя – ничего такого не сказала.

Третья девушка заинтересовала её больше, чем это эфемерное мотыльковое создание:

– Красивая! – одобрила про себя Тома. – И, кажется, без вывертов.

Русые прямые волосы стянуты в хвост, правильные черты лица, тёмно-голубые глаза, приятная улыбка. И полнейшее пренебрежение со стороны матери, сестры и тётки.

Полина поздоровалась спокойно, без излишнего радушия, которым прямо-таки искрилась её сестра.

В кармане Анатолия Павловича пискнул телефон, и дядя засуетился:

– Да что же вы стоите? Давайте, заходите в дом. Никита, оставь машину, у меня шофёр её поставит в гараж.

– Нет, спасибо, я сам, – угрюмо отозвался Никита. – Я не люблю чужих за рулём.

– Натуральный бирюк, а вообще-то правильно, так и нужно. Только поторопись, мы тебя будем в холле ждать! Гараж – за угол и налево, там ворота открыты, не ошибёшься.

Тома могла бы на деньги поспорить, что их любезный хозяин как-то слишком заторопился...

– Что-то тут не так! Ему что? Позвонили и сообщили, что повар через три минуты выбросит обед в ближайшее болото, если гости не явятся?

– Томочка, идёте же, идёте! – зазывал сияющий Анатолий Павлович. – Мы с вами вообще должны непременно познакомиться получше.

– Зачем? – Тамара лучезарно улыбнулась, и Анна Павловна с некоторой опаской покосилась на невестку.

– Ну, как же... мы – одна семья! А вы – мать нового поколения...

– Отстрелявшаяся первой? – живенько уточнила Тома.

Анатолий довольно рассмеялся – невестка явно ещё его позабавит. Однако надо было срочно увести их всех подальше от входной двери, а Никита, как назло, где-то запропал.

Никита как раз подходил к дому, волоча за собой два чемодана – их с Томой и мамин, когда к крыльцу подъехала ещё одна машина.

– Так... ещё кто-то? – Никита и не собирался особенно любопытствовать, но внезапно припомнил свои опасения и всмотрелся в мужчину, выбирающегося из-за руля.

– Да что ты тут будешь делать, а? У дяди, что? Совсем мозги не работают? – с ходу разозлился Никита.

Не надо было быть семи пядей во лбу, чтобы понять, кто это мужчина, тем более что сходство было весьма очевидным...

Анатолий Павлович едва не утратил свой обычный позитивный настрой, узрев машину двоюродного брата, выехавшую на площадку перед домом.

– Как неудачно-то... Впрочем, уже без разницы, – подумал он, покосился на часы и довольно кивнул. – Ладно, надо поторопиться и встретить Витьку.

Тома поняла всё моментально – стоило только посмотреть

на свекровь и на жадные взгляды, которые бросали на Анну Павловну родственницы Анатолия.

На улице зазвучали голоса:

– Витя, как хорошо, что ты смог приехать! Никита, ну что ты стоишь – иди скорее! Это же твой отец.

– Никитка... какой стал... – удивился новоприбывший.

– Да не пойти ли вам обоим! – прорычал Никита, метнувшись в дом. – Мам, Тома, мы уезжаем!

– А что? Мост уже начали ремонтировать? – произнесла «в пространство» монументальная тётушка Вера. – Если да, то никуда никто уже не поедет!

Немая сцена длилась недолго, но продуктивно – Тома успела прикинуть, как бы выглядела здоровенная «хрюю-стальная» люстра на голове доброго дядюшки, оценила состояние разъярённого супруга и растерянной свекрови, успела порадоваться, что они не привезли детей, и осознала, как именно будет выглядеть её муж лет этак через двадцать пять...

– Неплохо, надо признать. Никита у меня и тогда будет весьма привлекательным! – машинально оценила свёкра Тамара, а потом подхватила за локоть Анну Павловну и крепко вцепилась в запястье мужа.

– Никитка, ну что ты в самом-то деле! – миролюбиво загудел Анатолий, пройдя в дом вместе с двоюродным братом и закрывая за собой входную дверь. – Это семья, всякое бывает, но надо уметь прощать. Тем более что, несмотря на неко-

торые... гм... неправильные Витькины поступки, я уверен, что он никогда о тебе и Аннушке не забывал. А семья вас никогда и не оставляла!

Глава 3. Однако, глава семьи

Анатолий Павлович Скобянов к Никите относился особенно тепло – именно когда он родился, Толик первый раз ощутил себя главой семьи.

Да-да, именно тогда, когда узнал, что его непутёвый младший двоюродный брат бросил молодую жену с крошечным малышом, Толик принял решение взять в свои руки бразды управления своей семьёй.

Нет, для начала он попытался было направить братца на путь истинный:

– Витька, какого ты лешего творишь?

– Отвали, я сам знаю, что мне делать! У Аньки демаверсия давно закончилась, она стала такая... неинтересная, растолстела. Не привлекает меня, понимаешь? А я – молодой, со мной любая пойдёт, чего я должен на эти пелёнки-распашонки время тратить? А у меня вон Оксанка – красотка, да и не только она... – вальяжно отвечал братец.

– Да погоди ты со своими Оксанками. У тебя жена есть и сын маленький! А потом... Анна же беременная была. Странно, если б была похудевшая.

– Так родила ж уже три месяца как, а всё не привела себя в порядок... короче, не уговаривай, мне это неинтересно уже. Вчерашний день! – Витька признавал, что женщинам нравится и активно этим пользовался. А что б и не пользоваться,

если оно само в руки-то идёт?

Толик точно знал, что так нельзя, что закончится это плохо, бубнил что-то в попытке образумить упрянца, но не удалось. Тогда он решил, что будет поддерживать Анну... точнее, не её, конечно, а малыша – он же всё-таки их рода-племени!

Малыш рос, становился всё больше и больше похожим на своего отца, Анна его воспитывала правильно, отчима не приводила, хотя мужчинам нравилась, и пытались за ней ухаживать, но Толик бдел – всегда вовремя рассказывал о том, что ещё неизвестно, как это отразится на её сыне, мужчины-то ого-го какие бывают. Короче, изо всех сил действовал в интересах рода Скобяновых.

И поймал себя на мысли, что ему это нравится – он чувствует себя значительно более уверенно. Он – не просто Анатолий Скобянов, а настоящий глава большой семьи, который может помочь, может наставить на путь истинный, может предостеречь, а то и тихонько подстраховать подопечных.

Правда, Никита, повзрослев, к дяде относился настороженно. Зачем-то вернул ему деньги, переданные для него, которые мать откладывала на особый счёт.

– Спасибо за помощь, но мне не нужно. Я сам! – мрачно-вато сказал племянник, и Анатолий Павлович принял это – не потому, что ему были нужны эти деньги, нет, он расценил жест троюродного племянша как некое мужское начало, купеческую закваску фамилии!

К тому времени Анатолий уже уехал на север, перевёз жену и сына, очень удачно там развернулся, причём жена, продав свою наследную квартиру, стала его партнёром и работала наравне с ним.

Но, несмотря на множество забот и работы, Анатолий никогда не забывал о семейных узах. Не такой он человек! Обе сестры – Валя и Вера – вышли замуж, у обеих родились девочки, мужья зарабатывали так себе, и он частенько помогал их семьям, высылая деньги, а то и просто дарил приличные суммы старшим племянницам – Вике и Стеше. Младшая – Поля, по словам родных, в деньгах ничего не понимала, так что и тратиться на неё смысла не было.

– Хоть эти не гордячки – от помощи главы рода не отказываются! Ну, Никитка... ну, чудак! – раздумывал Анатолий.

– Ничего, ничего... глядишь, потом развернусь, перетащу их всех к себе! – мечтал он.

Перетащить не вышло – Никита женился, категорически отказавшись куда-то ехать и работать с дядей. Образование он получил сам, дядиной помощи в поступлении не потребовалось. От очень приличной «стипендии» Анатолия Павловича на время обучения он категорически отказался.

Правда, обе сестры и их старшие дочери были значительно менее принципиальны, деньги охотно брали, советы «старшего по семье» принимали с благодарностью, короче, Анатолий Павлович всё больше и больше проникался ролью благодетеля и главы рода.

Образование племянницам он оплатил целиком и полностью, потом начал помогать с дальнейшим устройством их в жизни, попытавшись перевести девушек на работу в свою фирму, но...

Вика была всегда тяжела на подъём, после института устроилась работать в какое-то предприятие логистом, отказавшись от дядиноного предложения, а Стефания с детства была очень болезненна, её и приглашать смысла не было – над ней с рождения тряслись родители, боясь лишний раз на неё дышать.

– Ну ладно, пусть пока так. Девки, что с них взять! Мне вот интереснее Никитка! – Анатолий часто обсуждал родственников с супругой, не обращая внимания на то, что она всё больше и больше этим недовольна.

– Я не понимаю! – говорила жена Анатолия. – Ты тратишь на них очень приличные суммы и время. Но зачем? Там все здоровы, без каких-то бед и катаклизмов, оставь ты людей в покое! Они обойдутся и без твоей помощи, и без твоих инструкций и наставлений. Пусть они сами разбираются, как им жить! Лучше бы на меня обратил внимание или на Матвея! Он-то вкалывает за троих!

И правда, за всех младших членов семейства отдувался его собственный сын Матвей, названный так в честь того самого, вырвавшегося из крестьянской среды, предка-купца.

Матвей ухитрился работать наравне с родителями, был внимательным, цепким, но, как и его мать, ни в какую не по-

нимал отцовского отношения к родичам, которых он толком даже не знал.

– Слушай, пап, чего ты к ним лезешь? Зачем нам это? Живут себе люди собственной жизнью и живут!

– Да что б ты понимал ещё! Это СЕМЬЯ! – Анатолий очень любил рассказывать об этом, внезапно увлёкся идеей создания родового гнезда, купил разваленный «фамильный» дом, начал вкладываться в его ремонт, и занимался этим, пока в конце концов не услышал от сына:

– Семья – это мы с мамой. А ты всё в каких-то мечтаниях пребываешь. Ты даже не обратил внимания, что мама ногу сломала, что в больнице лежала – ты ж занят этим дурацким домом в болоте. Не мог поездку отложить?

– Нет, не мог – с мамой всё штатно было – ничего страшного, а в доме фундамент укрепляли, трещины могли пойти. Я принимал работу.

– Понятно... ты так увлёкся своей игрой, что забыл о нас! Тебе веселее и интереснее решать чужие проблемы, чем видеть, что ты делаешь со своей семьёй! – Матвей слова не выбирал, так что поругались они тогда знатно.

Потом возник разлад и с женой, отчаявшейся как-то привлечь внимание очень занятого «своим родом» мужа. Сын однозначно стал на сторону матери, принял её долю и управлял её направлением, с отцом поддерживая рабочий минимум общения.

Именно тогда Анатолий Павлович и решился сворачивать

свою часть бизнеса и возвращаться домой.

– Пора вернуться и заняться настоящим делом! – решил Анатолий Павлович. – Глядишь, и Матвей что-то почувствует, когда приедет да увидит, ради чего я всё это делал.

На восстановление дома понадобилось очень приличное количество денег, но ничего, это окупится!

И тут к Анатолию пришло веское подтверждение его правоты – на горизонте нарисовался двоюродный брат Витька, который много лет искусно ускользал от попыток Тольки его привлечь «к делам рода».

Все эти годы они поддерживали минимум общения, так... перезванивались изредка, да и всё.

– Толь, я к тебе за помощью, – тяжело вздохнул Витя, прибыв в московскую квартиру Анатолия. – Бабы проклятые довели! Веришь, вышел на пенсию, так практически безо всего остался...

Это, конечно, было преувеличением – небольшая однокомнатная квартирка у Витьки была, машина тоже, а ещё... скромная, очень даже скромная пенсия – он же сначала от алиментов скрывался, а потом – от «хапуг из налоговой». Короче, зарплата в конвертах была его верной спутницей, и в результате вышло, что вышло... Мужчина в самом расцвете пенсионных сил, но без денег и без надёжной опоры в виде верной и терпеливой жены, которая выносила бы его характер, его болячки, его настроение, его требования, его поползновения на сторону... Да-да, и такое до сих пор бывало.

Ну, под настроение. А что? Он права не имеет?

Право-то было, только здоровья на подобные приключения уже не очень-то хватало. Внезапно захотелось, чтобы была вульгарная стабильность, эта самая терпеливая жена с пирогами, котлетками, густыми, наваристыми борщами и чашкой чаю, когда болит поясница и нет желания вставать с кресла.

Нет, даже сейчас желающие на подобную участь нашлись бы. Но ёлки-палки, они все... нет, не так, они ВСЕ чего-то хотели! Денег, внимания, помощи, признаний. Все норовили свалить на него свои проблемы, взрослых детей, мелких внуков, дачи, текущие краны и не повешенные карнизы, а ему всё это зачем?

Почему-то эти дурные бабы, дожив до серьёзных лет, не наживали ума и всё равно чего-то с него требовали. А молодые по непонятной причине и не рвались на место его жены.

А ещё... ещё внезапно пришла бессонница, вкрадчиво припоминающая какие-то глупости про «посадить дерево, выстроить дом, вырастить сына». Почему-то от этого перечня становилось холодно, словно откуда-то из грядущего поддувало пронзительно-ледяным сквозняком...

Всё это Витька вывалил своему кузену, и тот, поразмыслив, выдал:

– погоди, так у тебя ж есть сын. И двое внуков имеются, я их, правда, ещё не видел – последние несколько лет занят был, но они точно есть – мальчик и девочка. И Аннушка так

замуж и не вышла. А выглядит очень даже неплохо.

– Да ладно? – изумился Витька, а узрев бывшую на фото в соцсети, реально удивился. – Действительно, очень даже ничего для своего возраста.

– Только... только она ж и слушать меня не захочет! Через столько-то лет... Да и Никита меня не знает.

– А, с этим мы как-нибудь разберёмся! Я ж дом родовой восстановил. А там как раз небольшой ремонт моста намечается – я уж давно их пинал, чтобы они технику прислали, и вот буквально на этой неделе мне написали, что перед ноябрьскими пришлют технику. Смекаешь?

– Пока не очень.

– Да что ж ты за тугодум такой. Всё просто – никто не сможет уехать. Ну, прямо как в Агате Кристи... кстати, надеюсь, что тебя никто не того... – расхохотался юморист-Толик и продолжил:

– Ладно, ладно, не дуйся. Короче, я договорюсь с работягами – я ж их всех знаю, приплачу малость, приглашу Анну, Никиту с женой и детьми, остальных наших – они помогут Анну уломать, если заартачится. А работягам дам задание, чтобы сначала машины пропустили, а потом загнали технику и начали ремонт моста, а потом-то праздники начнутся... короче, три дня у тебя будет!

– Ты голова! – восхитился Витька.

На том и порешили. Толик не стал говорить брату, что у него есть ещё один повод собрать семейство – проблема с

домом.

Эта громада ежедневно сжирала приличное количество денег, так что нужно было постоянное финансирование. Нет, Анатолию средств хватало, но он привык, что они прибывают, а не бесконечно тратятся, так что открыл небольшое предприятие в Москве. Но руководить им из лесов и болот было весьма проблематично – требовалось постоянное участие. Поэтому он хотел привлечь кого-то из младшего поколения для управления семейным гнездом – надо было присматривать за тремя работниками, следить за отоплением, общаться с местными.

– А весной ещё сад прибавится... нет-нет, я уверен, что это будет наилучшим решением! – наметил он кандидатуру на должность «управляющего».

Оставалось только вызвать сестёр с их семьями да уговорить приехать Анну с Никитой.

– Заодно и с Никиткиной женой познакомлюсь да детей их увижу, – пропустил он мимо ушей информацию о том, что Никита с супругой и не собираются везти сына и дочь по первому его требованию.

И вот все в сборе, мост перекрыт дорожными рабочими, брода через их небольшую, но быструю речушку с очень топкими торфяными берегами нет в принципе, на три дня гостям волей-неволей придётся быть в родовом имении. А за это время много чего может случиться, глядишь, и поймёт Никита, что семья – самое важное, что, простив и приняв

отца, он сможет ощущать себя по-настоящему сильным и взрослым мужчиной. А если ещё и Аннушка – добрая душа – позовёт бывшего мужа назад, то и вообще хорошо будет!»! Ну, в самом-то деле, все ошибаются, кто без греха?

Именно так рассуждал многомудрый Анатолий Павлович, закрывая тяжёлые двери их фамильного гнезда, не замечая, что за спиной застывает ледяное молчание, от которого, кажется, куски можно отламывать...

Молчание продлилось недолго:

– Что за ерунда про мост? – резко спросил Никита у дяди.

– Плановый ремонт покрытия. Когда вы сюда ехали, технику видел? Вот, они обещали, что после обеда начнут...

– А нас ты предупредить об этом забыл?

– А должен был? Вы приехали на три дня. За это время мост точно отремонтируют, так в чём проблема?

– По поводу этого гостя, – Никита кивнул на Виктора, – ты тоже проблемы не видишь?

– Ни малейшей. Ты же не спрашивал, кто именно приедет, – хмыкнул Анатолий Павлович. – Ладно, ладно, не горячись, а то наговоришь лишнего, потом сам же жалеть будешь.

Он оценил реакцию племянника на свою речь о прощении и счёл, что пока с Никитки хватит, потом, чуть позже, он всё молодому да резкому выскажет.

Хотелось посмотреть, как среагировала Аннушка, но она отвернулась к невестке и делала вид, что бывшего мужа в упор не видит.

– Ну хорошо, раз все в сборе, пойдёмте, я покажу вам ваши комнаты! – позвал собравшихся Анатолий Павлович.

– В смысле, новоприбывшим покажу... Верочка и Валечка с семьями уже, конечно, разместились.

Он прошёл мимо Витьки, который старался не смотреть на сына и жену, мимо разъярённого Никитки и шагнул в сторону коридора.

– Ну ладно... это тоже не страшно – я-то Анну знаю, она жалостливая и добрая, так что домой уже могут вместе вернуться! – решил про себя Анатолий, ощущая, как расправляются плечи, невольно задирается подбородок – это не просто кто-то идёт по этому дому, а глава семьи! А за ним – все его родственники, которые имеют полное основание на него рассчитывать!

– Задрал нос и поплыл, как буксировочный катер, – шепнула язвительная Тамара на ухо разом обессиленной свекрови, повисшей на её локте.

– Анна Павловна, не расстраивайтесь... в конце-то концов, у вас есть я... А ещё есть ремонтируемый мост, и аж три дня! Я же за это время тут много чего успею! – Тома так хищно прищурилась, что Анна невольно улыбнулась.

– Вот, так-то лучше! – кивнула Тамара, оглянувшись на мужа, который шёл последним, и с таким выражением лица, от которого можно было сразу упасть в обморок.

– Никита, немедленно перестань пугать окружающую среду, она ёжится! – встав на цыпочки и дотянувшись до уха

Никиты, прошептала супруга.

– Мне не надо, чтобы ты спугнул дичь!

– Дичь? – Никита сфокусировался на жене и, кажется, слегка опомнился. – А кто у нас дичь?

– Все, кого я решу поймать и догоню! Так что не пугай никого. На всякий случай!

Никита припомнил некоторые из последствий Томиных «догонялок», и тут только до него дошло, что если кому-то тут и не повезло, то это не его маме – за неё Тома и крокодилов кирпичиками выложит, и даже не ему – ему-то как раз проще всего. Нееет уж! Не повезло-то именно гордому своей ролью дядечке, а возможно, ещё этому самому типу, который с чего-то вдруг «нарисовался».

Сразу стало легче дышать, отпустил спазм, из-за которого челюсти сжимались от ярости так, что даже говорить было трудно, он даже усмехнуться смог.

– Ладно, я постараюсь! – серьёзно пообещал он.

К счастью, комнаты Никиты, Анны Павловны и её бывшего мужа были в разных концах дома – хорошо хоть тут сработало чувство меры у радушного хозяина.

Разместившись, Тома сбегала в соседнюю комнату, приволокла оттуда свекровь, которая пыталась поплакать от безнадёги и, усадив её рядом с Никитой, велела:

– Так, рассказывайте! Кто такие эти тётки, дядьки, девицы, и вообще все знакомые и родственники Кролика!

– Ты Кролика-то откуда выкопала? – устало спросил Ни-

кита, который всё порывался съездить и уточнить про мост.

– Как откуда? Из «Винни Пуха»? Ну, что ты... ты ж читал детям: «Всё предвещало, что у Кролика опять будет очень занятой день. Едва успев открыть глаза, Кролик почувствовал, что сегодня всё от него зависит и все на него рассчитывают. Начинаясь такой, как бы вам сказать, командирский день, когда все говорят: «Да, Кролик», «Хорошо, Кролик», «Будет исполнено, Кролик» и вообще ожидают дальнейших распоряжений».

Тома цитировала с таким выражением и так проникновенно, что Никита и Анна Павловна не выдержали, переглянулись и от души расхохотались.

– И чего вы расстроились? Я вот, например, сразу поняла, что это такой... кроличий дядя. Ему всё время кажется, что у него вечный «командирский день». Но так как мир не вращается вокруг него, он прикормил кучку родичей и командует ими, ощущая себя главой семьи и истинным благодетелем. Кстати, а где его жена?

– Они развелись, – ответила Анна Павловна.

– А дети? У него дети есть?

– Есть. Сын Матвей. Остался с матерью и территориально, и морально. Всячески её поддерживает, – свекровь отвечала, как первоклассница на уроке, и Томе жуть как захотелось постучать чем-то потяжелее по «кроличьему дядюшке».

– Они оба не понимают, зачем Толик ввязался в это вот, – Анна обвела взглядом комнату, – зачем спонсирует сестёр

и их девиц... Это он мне сам говорил, когда звонил – жаловался.

– Забаавно как! – довольно протянула Тамара. – То есть в своём глазу мы павшую секвойю не видим в упор, а в чужом – даже былиночку кидаемся выколупывать! Дииивный тип, всё как я люблю...

Она внимательно осмотрела свекровь и мужа и строго спросила:

– Граждане, вам дядя целый нужен, или я могу его слегка покогтить?

– Ты его даже слопать можешь! Я его с детства терпеть не могу! – насупился Никита.

– Никита!

– Мам, перестань! Да, я в курсе, что это неблагодарность, что это плохо и всё прочее, но я вернул ему все деньги, которые он дарил, и даже больше – с учётом продуктов, шмоток и подарков! Я ему ничем не обязан, да и ты тоже! И знаешь... это было подло!

– Что именно? – живо уточнила Тома.

– Этот... хитрован... Мам, не мешай! Он маме не дал замуж второй раз выйти. Был шикарный мужик, который был в неё влюблён – сосед наш. Реально классный! Я точно знаю, я с его сыном дружил. Так вот, сосед года через два после своего развода спросил, не буду ли я против, если он будет ухаживать за мамой. Я был только за. А мама – ни в какую, хоть я же видел, что он тебе, мам, нравился!

– Ну мало ли кто мне понравился... – вздохнула Анна Павловна.

– Именно, что мало. А этот точно понравился! И жили бы мы хорошо! И только потом я выяснил, что это дядечка подсуетился – маме страшилки давай рассказывать, мол, нельзя-нельзя, и вообще, ты должна о сыне думать, жить его интересами! А он ей, как мужчина, может точно сказать, что ничего хорошего для мальчика, то есть для меня, из маминного нового брака не получится! Гад!

– Так ты после этого ему деньги вернул? – ахнула Анна Павловна.

– Конечно, – угрюмо кивнул Никита.

Тома мрачно ухмыльнулась и мысленно потёрла руки. Первое впечатление было верным – тут и правда было всё, как она любит – вредненькое, коварненькое, самовлюблённенькое, да ещё нагло лезущее в ЕЁ семью, не уточняя, а его вмешательство вообще-то нужно? А можно?

– Про нашего бывшего папеньку я вообще молчу – он сам пришёл, пусть сам и отползает, если сможет, а вот дядечка встрял!

Тома усмехнулась, постаравшись запомнить информацию про интересного соседа свекрови – надо ж будет потом уточнить, куда делся, женат или нет... а если нет, может, он Анне Палне ещё нужен? А?

– Так, а тётеньки и их семьи? – Тома вернулась к сбору полезной информации и узнала от Анны Павловны много но-

вого и полезного.

Оказывается, Вера и Валя много лет пользовались денежной помощью брата, активно возвращая в нём уверенность, что он – истинный глава семейства.

Дочь Веры, Вика, по словам дядечки, кажется, борется с лишним весом и, вроде как, мечтает выйти замуж, а дядя собрался ей найти достойного жениха.

Старшая дочь второй сестры, Стеша, всегда была очень слабенькой и болезненной, так что особенно не напрягается и весьма избалована, а младшая – Полина, пожалуй, единственная, кто не охвачен помощью дядь Толи – о ней и родители, и сестра говорят, что она туповатая и на неё тратить время, деньги и силы не стоит.

– Хотя, на мой взгляд, она очень даже милая и разумная девочка, – закончила рассказ Анна Павловна. И как раз вовремя, потому что в комнату постучали и голос тётушки Веры возвестил о том, что их ждут в столовой.

– Странно, что не было рекомендации переодеться к обеду, как в лучших домах Лондона и Парижу! – фыркнула Тома.

– Любимый, стряхни с себя зверское выражение лица, мне хочется понаблюдать за почтенной публикой так, чтобы они не разбежались от ужаса по стенкам, а были, так сказать, в естественной среде обитания! – кротко попросила она Никиту.

Глава 4. Самец стрекозы

Тома узрела засаду с ходу, стоило ей только переступить порог столовой:

– Стол накрыт, все действующие лица уже топчутся у своих мест, три места свободные, и... у крайнего свободного справа возвышается... кто бы мы думали? Правильно мы думаем! Та, которая лето красное пропела, и неожиданно влетела в пенсию в гордом одиночестве – наша стрекозочка...

Томе хватило доли секунды, чтобы с сожалением понять, что слово подобрано неверно.

– Неее, не стрекозочка, а кто? Стрекозёл? как-то слишком гордо! Козлы – животные умные, вон, у нас на даче козёл по кличке Зайчик, ну такой разумный мальчик, дядьВите до него расти и расти! Ладно, тогда кто он? Самэц стрекозочки? Ой, ладно, это мы потом придумаем, благо время будет. А вот сейчас интереснее, кого наш опрометчивый хозяин собрался усаживать рядом с этим типом? Хорошо, если меня, а если Анну Павловну или Никитку? Ну, на кого нацелились?

Тома чуть прищурилась, прикидывая.

Если бы это выражение её лица видели сотрудники на работе... о-о-о, они-то уж точно знали бы, что сейчас мало никому не покажется!

– Вот как так получается, а? – Тома даже поудивляться успела:

– Вроде дядя не должен быть совсем уж дурнем – всё-таки успешно бизнесом занимается... хотя... сколько такого бывает – в бизнесе жить может, а в реальной жизни с близкими людьми – нет! Ну, так я и думала – разве ж можно так топорно действовать?

Это недоумение относилось к тому, что по направлению к Анне Павловне выдвинулся Анатолий, явно намереваясь взять её под руку и доставить к стулу рядом с бывшим мужем – чтоб не сбежала.

– Уй, ну, какой натуральный чудак! – Тома чуть ускорила шаг, развернула собственного супруга к НУЖНОМУ стулу, а сама заняла место справа от него, прочненько усевшись на место рядом с Виктором.

На сердитые взгляды тётушек она не обратила ни малейшего внимания, равно как и на разочарование, мелькнувшее на физиономии хозяина дома.

– Наплевать мне, дорогие мои, как вы на меня смотрите. Я-то и похуже умею. И смотреть, и действовать!

Она приготовилась действовать, как только возникнет малейший повод, и он не замедлил себя предъявить – тётушки явно вознамерились задеть Анну Павловну:

– Что ж ты, Анечка, как неродная? Вошла и никого не замечаешь? – начала было Вера. – Хоть бы подошла что ли...

– А я думала, что мы уже все поздоровались, – Тома осознанно «вызвала огонь на себя», улыбнувшись свекрови и мужу.

Вера и Валентина переглянулись, скривили губы и громко начали обмениваться мнениями о новом действующем лице, так опрометчиво подставившемся:

– Да... дорогая, молодёжь, что с них взять. Никаких ма-нер! – начала Вера.

– И не говори! – поддержала её Валентина, покосившись на Тамару.

– Вот, например, девушка Тома разве не знает, что садиться за стол нужно только, когда пригласит хозяин дома? – ядовито заметила тётушка Вера, раздосадованная тем, что такой хороший план с ходу развалился.

– Ой... это вы меня так мило назвали? Спасибо вам за комплимент! – Томочка изобразила милейшую улыбочку.

– Правда... говорить «девушка» женщине, которая имеет двух детей, как-то забавно, да?

Вера поморщилась, изображая великосветскую даму, столкнувшуюся с судомойкой, а её сестра поспешила на выручку.

– Верочка, ну что ты придираешься! Мы же про Томочку ничего не знаем. Может, она родом из деревни!

– Я? Отчасти да. Моя бабушка с папиной стороны и прадед с маминой действительно приехали из деревни, – обстоятельно ответила Тома.

– А вы сами откуда приехали в Москву? – пренебрежительно уточнила Валентина.

– Ээээ, ну, если географически, то из шестого роддома.

Знаете, в районе Белорусского вокзала такой был.

– А ваша мама? – иронично подняла бровь Вера.

– Представляете... оттуда же! И бабушка тоже!

– Да что вы врётё? Сколько же лет может быть этому рододому? – презрительно фыркнула Вера.

– При учёте того, что он был построен женой фабриканта Абрикосова в одна тысяча девятьсот шестом году, уже прилично! – улыбнулась Тома. – У Абрикосовой было двадцать два ребёнка, так что она позаботилась о том, чтобы в Москве появился первый роддом. Замечательная была женщина!

Очевидно, что про фамилию Абрикосовых ни одна из тётушек не знала, потому что они переглянулись и Валентина с усмешкой спросила:

– И чем же это... ну, кроме постройки роддома и оравы детей?

– Хотя бы тем, что они с мужем начали практически с нуля и вместе подняли огромное дело – кондитерский концерн Абрикосовых. После революции концерн был переименован в Бабаевскую фабрику.

– Ну надо же! – процедила Вера. – Хотя... фабрикантов в России хватало! Вот, например, наши предки тоже были крупными купцами! А ваши?

Пока шёл этот обмен любезностями, Анатолий уже успел обнаружить, что мало того, что место, так заботливо приготовленное для Анны Павловны, уже занято, и рядом сидит Никита, так он даже стул для матери отодвинул, причём

тот, который находился слева от него, то есть на максимальном возможном удалении от Виктора.

– Обидно, что с ходу не вышло – я-то хотел всем сразу намекнуть на их места, – подумал он.

Делать было нечего, и Анатолий, изображая любезнейшего хозяина дома, усадил Анну там, где планировал разместить её невестку.

Почему-то он решил, что это случайность – просто эта шустрая и маловоспитанная Анина невестка, узрев богатый стол, ринулась на первое свободное место.

– Ничего страшного, в следующий раз, да вот хоть за ужином, размещу их правильно, – утешился Анатолий, наконец-то прислушавшись к разговору.

Тома же, загибая пальцы, подробно описывала свою родословную:

– А мой дед с маминой стороны был врачом. А бабушка – инженером, а...

– Это недавнее прошлое! А вот до революции кем были ваши предки? Не знаете? Почти никто не знает! – торжествующе выдала Валентина.

– Ой, а вы знаете, да? Мне Никита говорил, что тут рядом деревня, откуда вы родом! Жаль...

– Чего это вам жаль? – сурово спросила Вера, не любившая, когда кто-то не замечал очевидного – вот же огромный «фамильный» домина, а эта зараза про какую-то деревню!

– Жаль, что этот дом восстановлен, а не родовой, – вздох-

нула Тома, решив слегка прощупать болевые точки дядюшки и тётушек.

– Да как же так, Томочка! Я же могу вас так называть, да? – вскинулся Анатолий Павлович. – Это и есть наш родовой дом! – он широким жестом обвёл богато украшенные интерьеры.

– Правда? Значит, я что-то не так поняла! А какого он года постройки?

– Одна тысяча восемьсот девяносто девятого! – гордо откликнулся Скобянов.

– То есть до революции семья в нём жила всего восемнадцать лет? А до этого, наверное, несколько столетий в деревне рядом, да? – с видом полнейшей наивности захлопала глазами Тома.

– Вот я и говорю, что жаль! Тут-то просто дом – фундамент, стены... а там, – она кивнула в сторону окна и продолжила:

– Там ого-го какая история – многолетняя и настоящая жизнь семьи.

– Не надо нам рассказывать, где настоящая жизнь нашей семьи! – фыркнула Валентина. – Про свою узнайте сначала!

– Аaaa, ну, оно, конечно, понятно. Там-то всё простенькое, небогатое, как у многих из деревни, да? – понимающе покивала головой Тамара, сделав вид, что продолжения предложения не слышит.

– А тут-то вон какое! – она осмотрела высоченный пото-

лок. – Прямо как у наших новых русских. Те тоже разбогатели и давай домищи строить!

Она простодушно улыбнулась хозяину дома, заметив краем глаза, что тётушка Валентина опасно покраснела, Вера зло сверкает на неё глазами, зато Полина смотрит с неожиданным восторгом.

– Да что вы сравниваете! – не выдержала Вера.

– А что? Натуры-то у людей не меняются, сколько столетий не проходит – всё одно и то же. Ничего тут такого... и что плохого, если предки не из хором, а из деревни? Вы это-то что, СТЕСНЯЕТЕСЬ? Ой, простите. Я не хотела вас расстраивать! Я-то думала, что вы, наоборот, гордитесь ими!

Разворотив почтенное общество морально подорванным чувством собственного достоинства, Тома устремила взор на бывшего свёкра.

Виктор, которого заверили, что бывшая жена окажется рядом, был слегка раздосадован, но тут же решил, что можно воздействовать на бывшую супругу и сына через вот эту шуструю бабёнку.

– Ишь, как с ходу разворошила муравейник! Верка вся красная, Валька, наоборот, бледная, аж зубами скрежещет. А Толик-то как разобиделся! Ну конечно! Потомку крупного купечества показали, откуда он реально родом! Ути, расстроили! Интересно, это она случайно так по ногам прошлась? Да, наверняка! Не выглядит она ушедшей – слишком красива.

У Виктора была своя теория – красивые бабы умными не бывают. Нет, пыжиться могут сколько влезет, а вот ума всё равно нет.

Под «пыжение» подходило и получение образования, и работа на каких-то «умных» должностях, и дурацкие амбиции, толкающие баб в технические профессии.

– Даже собаку можно научить фокусам, чего бы бабам не обучиться делать расчёты, выкладки и всякое такое прочее? Только вот как только такая вся из себя встречается с нормальным, настоящим мужиком, сразу становится понятно, что всё это – просто дрессировка, а ума-то настоящего нет!

Эта теория была слегка погрызена реальностью – например, когда Виктору, который претендовал на роль руководителя подразделения, пришлось уступить это место женщине. Разумеется, он тут же заявил, что баба просто подсуетилась и получила должность путём... гм... определённого подкупа руководства, но эта теория не выдерживала никакой критики. Хотя бы потому что начальство было весьма молодо, а соперница Виктора была предпенсионного возраста, уже имела внуков, а также исключительно светлую голову.

Короче говоря, Виктор счёл, что если он заполучит невестку в союзницы, то запросто сможет и к сыну подобраться через неё, и повлиять на Аньку.

– Объясню этой самой Томе, что ей же лучше будет, если свекровка начнёт заниматься мужем, то есть мной!

Решено – сделано!

Обаятельная улыбка Виктора с ходу поведала Томе, что сейчас её начнут привлекать на свою сторону и пытаться использовать в корыстных интересах.

– Ладненько! Пусть тётоньки и дядечка чуть отдохнут, а то ещё подавятся неровен час! Пообщаемся с бывшесвёкром! – наметила себе новый объект Томочка.

Правда, ненапряжный щебет с соседом по столу ничуть не мешал ей прислушиваться к разговорам в столовой.

– Интересненько – обе тётушки соперничают за внимание дядьТоли, мужья их говорят только друг с другом и исключительно про рыбалку. А вот дочки... Вика – монументальна, в матушку Веру, молча ест и мрачно на всех косится. Нда, я как-то не уверена, что у дядюшки получится выдать её замуж. Нет, вовсе не из-за веса – она вполне гармонично сложена и лицо приятное, а из-за характера – зачем же выглядеть так, словно готова прибить любого, кто к тебе близко подойдёт?

Вика действительно смотрелась как дракониха над драгоценностями – может, и не слопает, но огнём плюнет пренебреженно – ибо нефиг дышать в радиусе километра от неё!

– Стеша и Поля – тут ещё интереснее! Стефания такая эфемерная и слабенькая былиночка. Вон, матушка Валечка над ней как затрепетала, как только отвлеклась от моей скромной особы.

– Стешенька, поешь котлеточку? А курочку?

– Ой, мам, я не хочу...

– А посмотри, какой жульенчик? Ну, давай немножечко, а, детка?

– Маааа, у меня аппетита нет! Отстань! – изгалялась над родительницей «детка». – Что ты ко мне пристаёшь? Ты же знаешь, что я не могу есть, как вы! Вон, Польке что-нибудь предложи!

На «Польку» нежная мать не обращала ни малейшего внимания, продолжая предлагать Стеше всё, до чего дотягивалась.

– Полина как раз ведёт себя наиболее спокойно. Только вот ест странно – откусила от куриной ножки и положила её, взяла котлету. Отрезала кусочек, тоже отодвинула. Такая капризная?

– Так что Томочка, я же могу тебя так называть, да? Думаю, у нас есть общие темы для разговора? – жужжал под ухом Виктор, начиная мешать наблюдениям.

Дожужжался...

– Простите... а почему с ходу на «ты» и какие такие у нас общие темы для разговоров? – удивлённо подняла брови Тома.

– Ну как же! Ты – жена моего сына! А общие темы – например, мои внуки, мой сын... твоя свекровь.

– Ой... а я ещё удивилась, и почему это мне Никита про вас ничего не объяснил? – наивно удивилась Тамара. – Сразу не поняла, почему он про вас у Анатолия Павловича спрашивает!

– Я был прав – дура дурой! – подумал Виктор.

– А вы-то, оказывается, не просто какой-то там дядюшка с выраженным фамильным сходством, а тот самый подлец, который бросил Анну Павловну с трёхмесячным малышом на руках и ускакал к любовнице?

По совершенно непонятной причине очень многие люди терпеть не могут, когда им кратко, ёмко и чётко, а главное – абсолютно правдиво описывают их поступки. Вот прямо корёжит их!

– О как заплющился, а местами даже приколбасился! – радостно отметила про себя Тома, проанализировав реакцию бывшесвёкра на свои слова.

А вслух уточнила:

– А что это вы так морщитесь? Несвежий салат положили? А какой именно – я ж чего спрашиваю – не хочу, чтобы и мне такой достался.

– Да при чём тут салат! – с вполне понятной досадой возразил Виктор, решив, что сын у него сдуру выбрал какую-то совсем уж неумную бабу!

– Просто... просто нельзя же так прямолинейно смотреть на жизнь!

– А как можно? – с жадным вниманием приготовилась слушать Тома.

Разумеется, ей тут же было изложено о том, что «жизнь – штука сложная», «жизнь прожить – не поле перейти», «всякое бывает», «любовь побеждает всё», «быт может заесть лю-

бые чувства».

– Аааа, понятно... только опять не ясно! Если любовь побеждает всё, то как же её может заесть быт? Быт сильнее вашей любви? Уууу, какой он нехороший!

Тома уловила явный смешок слева – Никита оценил её логические выкладки, так что она продолжила:

– Бывает, конечно, всякое, но даже сложную жизнь можно прожить так, чтобы за тридцать с лишним лет жизни вашего сына увидеть его не только в пелёнках, а и чуть постарше – ну хоть на горшке, что ли... Вы же не космонавт, отправленный на Марс и только сейчас прилетевший? А про поле... знаете, бывают люди, с которыми на этом поле не только ходить не хочется, но даже садиться не станешь! Понимаете, да?

Анна чего-то в этом роде ожидала – Томочку знала давно, но едва удержалась от смеха, глядя на вытянувшиеся лица «главы рода» и природных тётушек – невестка говорила громко, отчётливо, так что её высказывания слышали все без исключения.

– А ведь это ещё даже не вечер! – настроение Анны Павловны начало стремительно и неуклонно улучшаться.

Глава 5. Возврат добра доброподателю

– Ну зачем же так резко? – Анатолий Павлович примиряюще улыбался двоюродному брату.

– Это – дела давно прошедших лет. А потом... знаете, как в народе говорят? Кто без греха, пусть первый бросит камень! Вы же понимаете, Томочка, к чему я это, да?

– Ну, во-первых, это не в народе говорят, а в Евангелии написано, во-вторых, не настолько уж и давно прошедших, зачем вы из своего двоюродного брата сделали какого-то глубокого старика, а в-третьих, что же здесь резкого? Может, я где-то погрешила против истины? Может быть, ваш кузен был заботливым мужем и отцом? – Тома вежливо подождала аргументы...

Надо отдать должное, она их дождалась.

– Я помогал Анечке и Никите! – гордо заявил Анатолий Павлович.

– А вы разве её муж и отец её ребёнка? Нет? Так при чём тут ваша помощь и ЕГО обязанности?

– За него постаралась семья! – уже гораздо более сердито аргументировал хозяин дома.

– Семья много чего может, – согласилась Тома с абсолютно безмятежным видом. – Только не может выполнить обя-

занности отца ЗА отца. Понимаете, да? То, что вы помогали – здорово, прекрасно, правда, насколько я знаю, финансово вы не пострадали – мой муж вам вернул все средства, которые вы на него потратили. Но вся ваша помощь – это про вас, а не про Виктора, как вас по бабушке, простите, я не в курсе... – она мило улыбнулась несостоявшемуся свёкру.

– Петрович, – процедил он.

– Вот! Не про Виктора Петровича, – довольно улыбнулась Анатолию Тома.

– Ээээ, Тамара, видите ли... я думаю, что это не ваше дело! Это дело нашей семьи. Внутреннее! Вас не касается.

– Как же вы изумительно не правы, уважаемый Анатолий Павлович! – Тома засияла собственным светом.

– Вы же сами себе противоречите! Насколько я помню, наше с вами недавнее общение началось с того, что вы меня обрадовали известием – я «отстрелялась» первая, родив новое поколение вашего рода. И вы уже отказываетесь от своих слов? Или породила и пошла вон, ибо не согласна со словами патриарха? – Тома прищурилась и чуть склонила голову набок, смакуя звучание фразы.

А прислушавшись, вынесла вердикт:

– Неее, не звучит, однако!

Анатолий Павлович изумлённо уставился на нахалку, которая с ходу посмела разрушить его план рассадки, оскорбить его дом, указать на деревню в качестве первоисточника их рода, раскатать по чисту полю Витьку, а теперь хамила

ему – да, прямо в глаза нагло возражая!

Тут надо бы заметить, что Анатолий Павлович уже как-то слегка отвык от нормального общения, в котором с его драгоценнейшим мнением могли и не согласиться, и поспорить даже. На работе он был верховным бож... в смысле, руководителем и хозяином, в семье – главой. Да, сын и жена, то есть бывшая жена, что-то фордыбачили, но Анатолий был абсолютно уверен, что это временно – стоит ему полностью доделать дом, собрать весь род, пригласить их, и они тут же поймут его замысел и всё будет как раньше!

Разумеется, особняком стояли люди, от которых Анатолий волей-неволей зависел – например, чиновники, но их Скобянов и воспринимал иначе – включался другой режим восприятия.

А тут какая-то приехала, и давай чего-то высказывать! Очень хотелось ответить этой особе так, как она того заслуживала, но... всё-таки он умел сдерживаться, да и планировать наперёд тоже.

– Ничего-ничего... сейчас главное – привлечь на свою сторону Никиту и Анну, а потом посмотрим, куда эта нахалка пойдёт! – нацепив на лицо вежливую улыбку, подумал Скобянов.

– Тамара, боюсь, мы с вами погорячились, и разговор получился немного... гм... некорректным. Приношу вам свои извинения!

В понимании Анатолия Павловича, Тома тоже немедлен-

но должна была раскаяться и извиниться, но...

– Принимаю ваши извинения, – мило улыбнулась Тамара, устремив взгляд в тарелку и проигнорировав выжидательное молчание, зависшее над столом.

Молчание повисело-повисело, и обречённо растворилось в воздухе – а что ему ещё оставалось?

Анатолий мрачно осмотрел Тому, перевёл взгляд на Никиту и его мать в надежде, что они-то понимают неуместность поведения этой особы, но племянник широко ему улыбнулся, не выказывая ни малейшего признака досады за жену, а Анна и вовсе выглядела исключительно довольной.

Пришлось сделать вид, что он очень голоден, и отдать должное обеду, соображая, как же так вышло-то? Он же планировал провести это время совершенно иначе!

– Ну первый пробный полёт валькирии прошёл вполне-вполне терпимо, – решила Тома, краем глаза наблюдавшая за собравшимися.

– Тётушки в шоке, но молчат – видимо, опасаются вызвать недовольство дядьТоли, мужья их выполняют давний наказ – «Когда я ем, я глух и нем», а дочки... с дочками интересно! Вика делает вид, что всё это её не касается, Стеша с глубокомысленным видом копается в овощах, но на Анатолия косится изучающе, а Полина... понадкусывала ещё кое-что и всё это прикрыла салатными листьями. Вот интересно мне, и что бы это значило?

После обеда, остаток которого прошёл в тишине, Анато-

лий решил пообщаться с Никитой.

– Пока его жена не настроила, надо быстренько его перехватить!

– Никитка, составишь мне компанию? Хочу тебе показать наши уголья! – радушно предложил Анатолий Павлович.

Никита пожал плечами, незаметно подмигнул Томе и шагнул за дядей, полностью игнорируя Виктора.

– Ну что, как тебе дом? – вальяжно уточнил Анатолий.

– Хорошо отреставрирован, – нейтральным тоном отозвался троюродный племянник.

– И это всё, что ты можешь сказать? – рассмеялся добрый дядюшка. – Или так выдохся, что на большее тебя не хватает?

– С чего бы я выдохся?

– Да ладно тебе... с такой женой это немудрено! – покровительственно хмыкнул Скобянов.

– С какой «такой»?

– Самоуверенной и вызывающей! Ну, согласишься, разве принято так выступать за столом при первом знакомстве с семьёй мужа?

– Дядь, ты что-то путаешь, – холодно отозвался Никита. – С семьёй мужа Тома познакомилась, когда я на ней жениться собрался и в гости к маме привёл.

– Интересно ты запел! А мы кто, по-твоему?

– Родственники, – исчерпывающе ответил Никита и продолжил: – И если ты внимательно следил за разговором, то

должен был заметить, что, во-первых, не Тома начинала все эти разговоры, во-вторых, говорила только и исключительно правду, а в-третьих, ни разу не была вызывающей.

– То есть с тем, что она самоуверенная, ты согласен?

– Она просто уверенная, и это очень хорошо!

– Ну, ладно, ладно, убедил! Ты до сих пор влюблён в свою Тому как мальчишка, – снисходительно усмехнулся Анатолий.

– Правда, неплохо было бы поговорить с супругой по поводу правил поведения за столом... Есть приличия, традиции застолья, есть вежливость, а её поведение... это было неуместно!

– Она не нарушила ни одно из правил, – непоколебимо стоял на своём Никита. – Просто отвечала на обращённые к ней слова. И прекрасно отвечала!

Он преотлично помнил, как искусно умеет дядечка хитрить, пытаясь использовать человека в своих целях. Помнил, как подбивались клинья к нему самому – с тем, чтобы Никита докладывал дяде о маминых ухажёрах. А что? В возрасте восьми лет мальчика во многом можно убедить... правда, в данном случае это не сработало – Никита точно знал, что у мамы никого кроме него нет, и её надо защищать, а защитник – только он сам!

– Какой же ты, Никитка, непреклонный! Ладно, ладно, не сердись. Сам разберёшься со своей половиной. А я вот о чём хотел с тобой поговорить... о твоём отце. Только не делай

такое лицо! Ты же мужчина, должен его понять! Неужели же сам ни разу не хотел того... ну... на сторону посмотреть?

Никита действительно не хотел... и вовсе не потому, что опасался реакции Тома, а именно из-за человека, являющегося его биологическим отцом.

– Честно хочешь? – усмехнулся Никита.

Он смотрел в окно, на старый сад, и ему откровенно не хотелось переливать из пустого в порожнее с дядей, а хотелось туда, под облетевшие деревья, но приходилось продолжать разговор.

– Конечно! – обрадовался дядечка, решивший, что вот и он – разговор по душам!

– Я выбирал себе такую жену, от которой мне даже в голову не приходит смотреть на сторону, понимаешь?

– Молодо-зелено... – снисходительно рассмеялся Анатолий.

– Тебе напомнить, сколько мне лет? – уточнил племянник. – Ко мне эта фраза уже как-то не подходит. А потом, знаешь, я никогда, НИКОГДА, не буду вести себя так, как твой двоюродный брат!

– Никита! Ты должен понимать, что это не просто кто-то, а твой отец! Твой родной отец! Ты обязан его...

– Ничего я ему не обязан.

– Даже по вере сказано...

– Дядь, не надо, ладно? Отец – не тот, кто родил, а тот, кто вырастил. Вот я своим детям – отец. Томин отец Тамаре

– отец. Мамин папа ей – отец. А Виктор... извини, но он просто донор биологического материала, да ещё и вор!

– Да как ты...

– Как я смею? Запросто! Ты же знаешь, что он уехал со всеми деньгами, оставив маму с грудным младенцем и без копейки? Знаешь же...

– Он сейчас очень об этом жалеет!

– Да мне плевать, я уж не говорю о том, что в это просто не верю! Знаешь, после того как он уехал со всеми деньгами, когда мама меня кормила, она сама ела пустую овсянку на воде... мне соседка рассказывала!

– Но я же помог...

– И спасибо тебе ещё раз, и что дальше? В ножки поклониться? Я могу! – Никита отвесил поклон, а потом гневно уставился на дядю.

– Позволь ещё раз напомнить, что деньги я тебе вернул, спасибо сто раз сказал, вот... поклонился даже. ВСЁ! Больше о своём двоюродном брате в связке со своей помощью мне не напоминай! И да, ты тут что-то говорил о неуместности поведения Тома? Так вот, позволь заметить, что приглашать Виктора и нас с мамой в гости, не предупреждая её и меня о Викторе Петровиче, было крайне, просто недопустимо неуместно! И мне ещё хотелось бы уточнить про ремонт моста...

Пока Анатолий неожиданно для себя оправдывался перед решительным Никитой, Тома наблюдала из окна комна-

ты свекрови интересную картину: Полина, зажав в руке какой-то свёрток, быстро вышла из дома, и юркнула налево – в сад.

– Ещё интереснее! И тарелку свою она унесла сама... Кого-то угощать побежала? Так, а эта куда?

Стефания, выбравшаяся из дома за Полиной, тоже собиралась было повернуть за дом налево, но была изловлена матерью:

– Стешенька, ну разве можно так выходить на улицу – простынешь! Надо же одеться потеплее!

– Ну ладно... Полина явно кому-то еду понесла, а сестрица-то за ней зачем помчалась? Проследить? Шпионить? – думала Тома, параллельно развлекая свекровь рассказом о своём недавнем визите в деревню рядом с их свежекупленной дачей.

– Там такой козёл живёт, я прямо чуть не влюбилась в него! Зовут Зайчик, и так правильно! Ну, чистый зайнык – беленький, ласковый, уууумный!

– Том, так они ж пахнут!

– Наверное, но мне хозяйка объяснила, что он породистый, сильно ароматизируется только в определённое время, а так – всё вполне-вполне терпимо.

– И не бодается? – удивилась увлечённая рассказом Анна Павловна.

Почему-то про козла думать и говорить было не в пример приятнее, чем про Виктора и его родственников.

– Бодается и ещё как! Но это ещё заслужить надо, чтобы он так себя повёл... «Жён, детей, владения и хозяйку будет защищать как зверюга страшная!» – процитировала Тома высказывания козловладелицы. – Короче говоря, надо вам с нами поехать на дачу!

– Томочка, ну что я вам мешать-то буду? У вас же пока только тёплая бытовка там стоит.

– Во-первых, вы не мешаете. А во-вторых, Никита уже дом нашёл – весной будем заливать фундамент и ставить сруб! Там-то на всех своих места хватит!

– На всех своих... – Анна не собиралась разводить сырость, но слёзы выступали как-то сами, что с ними поделать, а?

Да, приглашая её сюда, в эту домину, Анатолий тоже говорил, что она для них своя-своя. Только вот...

– Это же всё ради того, чтобы мне Виктора пристроить, да? Уверена в этом! Эх ты... Толя-Толя, глупая твоя голова! И с чего ты чужими жизнями распоряжаешься, если свою устроить не вышло – с женой развёлся, сын с тобой и вовсе едва общается. Ну да ладно, это не моё дело. У меня, к счастью, есть те, для кого я по-настоящему своя!

Никита пришёл в комнату, выделенную для них с женой, не обнаружил там никого, тут же отправился к матери, разумеется, найдя там обеих.

– Вот вы где...

– А чего это у тебя, муж мой драгоценный, такой вид,

словно ты сейчас жаждешь кого-то притопить в ближайшем болотце? – уточнила Тома.

– Того, что так и есть! С дядей поговорил!

– И он критиковал твои методы воспитания жены? – понимающе посочувствовала Тома. – И пытался воззвать к сыновним чюююйствам? А ещё... наверняка требовал понять Витеньку?

– Мам... вот скажи, повезло Томе, что она не раньше родилась, да? – рассмеялся Никита, ощущая, что поганое настроение испаряется как вода на раскалённой сковородке. – Её ж за ведьму приняли бы!

– Это тебе, а точнее, нам повезло, что она так вовремя родилась! – рассмеялась Анна.

– И что сразу обзывать-то? – Тома сделала вид, что почти совсем обиделась. – Никакой магии и прочей глупости – голимая логика форева! Кстати, вот ещё пример моего оригинального мышления – Полина подкармливает какую-то хищную живность.

– Почему? И с чего ты взяла, что непременно хищную? – живо заинтересовался Никита.

– Она весь обед собирала то котлетку, то куриные части – ножку и бёдрышко, надкусывала и прятала под салатные листья. Сам понимаешь, кролику или корове такое не предложишь. Потом сама унесла тарелку на кухню, а после обеда рванула куда-то за дом со свёртком. Её ещё едва-едва Стефания не выследила, а вот теперь Полина возвращается без

свёртка, но очень довольная.

– У дяди собак нет. Я ещё удивился, почему так – дом-то на отшибе, – пожал плечами Никита.

– Анатолий собак боится, – припомнила Анна Павловна. – Его в детстве одна тяпнула – мне ещё... Виктор рассказывал. Правда, он говорил, что Толик сам был виноват, решил дрессировкой заниматься, не имея ни малейшего представления о том, как это делается.

– Ну, можно сказать, что с годами его привычки не изменились! – констатировал Никита и пояснил:

– Он и сейчас пытается дрессировкой заниматься... только уже родственников.

– Думаешь, потом и людей бояться будет? – с живым интересом уточнила Тома. – А что? Очень даже интересная перспектива! И дом подходящий уже имеется – почти в болоте!

Анна Павловна припомнила этот разговор, когда вышла с сыном и Томой подышать воздухом.

Неуёмный Анатолий прибыл за ними в сад и предложил ей показать, что именно он планирует ещё построить:

– Молодые люди, вы погуляйте сами, а я у вас Анечку пока украду, Аня, ты же не против?

– Конечно... – Анна Павловна незаметно подмигнула сыну и невестке.

Разумеется, стоило им только пройти дальше за облетевшие деревья старого сада, как Анатолий начал предсказуемую дрессировку:

– Анечка... надеюсь, ты не в обиде на меня за приглашение? Никита так резко отреагировал... но я-то ничего такого плохого не хотел! Понимаешь... Витя... он так одинок! У него проблемы со здоровьем, да, пусть ничего серьёзного, но рядом-то никого нет! Только представь! А ещё... ещё он так и не сумел забыть тебя. Витька мне сам говорил, что ты – единственная женщина в его жизни, которую он хотел бы сейчас видеть рядом.

Само собой, что человек воспринимает окружающих исходя из той информации, которая у него есть, и это правильно. Только вот... если человека не видеть давно, то эта информация запросто может и устареть! И вместо хорошо тобою изученного человека рядом окажется... ну, может, и не совсем незнакомец, но и не совсем тот человек, кого ты ожидал встретить.

Так сейчас и вышло – Анна Павловна, которую когда-то претолчно изучил Анатолий, была безобидной, мягкой и не умеющей за себя постоять женщиной. Нельзя сказать, что за прошедшие годы она стала бой-бабой, но...

Но вот надеяться легко и бесппроблемно взвалить ей на плечи Сизифов камушек в виде бывшего супруга было несколько опрометчиво! А ещё все последние годы рядом была Тома, от которой Анна волей-неволей подхватила небольшой навык по возвращению «добра» к доброподателю.

– Ой... бедный Витя, – покачала она головой, вызывая

снисходительно-понимающую улыбку Анатолия. – Ой, да и кто бы мог подумать, что так у него случится! Толь, я вот чего хотела спросить... а он в школе совсем плохо учился, да?

Последнее предложение как-то выбивалось из общего тона, и Анатолий удивился.

– Да нет... вроде нормально учился, а что?

– Он же даже басню Крылова не помнит... – обеспокоенно вздохнула Анна и пояснила: – Про стрекозу!

Глава 6. Финт кроткой и покорной

Да, надо было отступить, признать поражение, но... но что же делать с Витькой? Толик прекрасно понимал, что даже просто оставить его в «родовом» доме будет... опрометчиво.

– Делать он точно ничего не станет. Как это сейчас говорят? – он призадумался, припоминая: – Ещё Стеша эту фразу постоянно повторяет... А! «У меня же лапки»! Вот! Вот и у Витьки лапки. А ещё темперамент мартовского кота, а у меня тут повар и горничная – супружеская пара... Повар уже косится на Витьку нехорошо – тот машинально подкатывал к его супружнице. Вот неужённый! Короче, проблем будет воз и маленькая тележка.

Анатолий покосился на Анну, которая спокойно шла рядом, явно не испытывая никаких сожалений по поводу бывшего мужа, и раздосадовано пожал плечами – он так хорошо всё продумал, и нате вам – всегда кроткая Анечка так неправильно себя повела!

– Аня бы забрала к себе Витьку, а он стал бы сдавать свою квартиру, вот и вышло бы всё чудесно – Витька пристроен и досмотрен, к пенсии ему прибавка солидная, да и Аня при семье! Чего одной куковать?

А главное-то что? Что всё вот это вот было бы благодаря ему, Анатолию Павловичу – главе рода! Он пришёл, увидел непорядок в семейном древе и... вуаля! Взял да и ликвидировал!

ровал эту неправильность как явление. Так же всё хорошо придумалось! А всё Никита и эта... Тома! Это явно они настроили податливую и управляемую Аню.

– Анечка, – упорство было присуще Анатолию в степени «баран супротивворотный».

– Дорогая Анечка! Я понимаю твои чувства, конечно, Витька тебя сильно обидел, разумеется, ты сердишься на него, но...

– Толя, да с чего ты это взял? – удивление на лице Анны Павловны было таким естественным, таким натуральным.

– В смысле? Что взял?

– С чего ты решил, что я вообще о нём думаю? – рассмеялась Анна.

– То есть... как это? – Анатолий поймал себя на том, что от изумления едва-едва не врезался головой в яблоневую ветку, нависшую над тропой.

– Ты на него не сердишься? Простила? – он в последний момент увернулся-таки от столкновения с невинным деревом.

– Да я уже и думать о нем забыла, а ты всё про него говоришь! Ты себя вообще слышишь? Он ушёл тридцать с лишним лет назад! Да ладно бы просто ушёл. Он унёс все наши общие сбережения, оставив меня без копейки, практически не платил денег на Никиту. Нет, не надо сейчас опять о том, что ты помогал, я помню. Только это никакого отношения к Виктору не имеет.

– Анечка, но он же раскисает! Он очень жалеет о том, что делал. Неужели же ты не понимаешь, что ему сейчас так плохо?! Человеку нужно давать шанс, понимаешь?

– Если тебе нужно, давай. Я давным-давно не имею к нему никакого отношения!

– А Никита? Он же сын Витьки, как ни крути!

– А не и надо никак крутить – Виктор ему не отец!

– Как это не отец?

– Очень просто... когда Никите исполнилось тринадцать, моя коллега проиграла суд своему отцу, который их бросил, примерно как Виктор нас. И её в судебном порядке обязали платить алименты человеку, который никогда ни копейки не давал на неё саму, изводил маму, обижал их обеих. Да, сумму назначили небольшую, но я вдруг чётко поняла, что категорически не хочу, чтобы Никита когда-нибудь столкнулся с необходимостью что-то выплачивать Виктору. Короче говоря, я посоветовалась с Никитой, потом нашла свою одноклассницу, она прекрасный юрист, и через некоторое время мы добились своего – Виктор официально лишён родительских прав.

Анна пожала плечами, сама себе удивляясь – для неё это было решительнейшим поступком! Нет, она бы и не собралась нипочём, но только представив, что Виктор явится к Никите и начнёт что-то требовать, ощутила в себе такую ярость, что сумела начать этот непростой процесс, а главное, его довести до конца.

Да, она неоднократно размышляла о том, что окончательно оставит сына без отца, о том, что морально сама себя будет считать матерью-одиночкой, но после слёз коллеги, которая жалела только о том, что у неё ЕСТЬ такой типа отец, решила дурью не маяться.

– Он что? Любит Никиту? Нет. Помогает его содержать? Нет. Занимается с ним, интересуется, общается? Нет. Он ни разу не видел его с трёхмесячного возраста и даже не звонил! Он оставил нас без денег и не платит алименты. И что? Это отец? Нет! Я бы поняла и приняла, если бы он просто ушёл от меня – мы взрослые, всякое бывает, но Никита-то тут при чём? А если он дальше появится и начнёт права качать? А у сына уже семья будет, свои дети... И его обяжут Виктору что-то выплачивать? Ну уж нет! Обойдётся!

Да, Анна спросила мнение сына, который полностью её поддержал, и, сама себе удивляясь, взяла да и обезопасила Никиту от возможных притязаний. Так что теперь могла только радоваться своей предусмотрительности.

И чем больше смотрела на «главу рода», тем больше радовалась.

– Что? Что ты такое говоришь? Я тебе не верю! Как же ты могла? – ахал шокированный до глубины души Анатолий.

– Я? Да, не могла, если бы дело касалось меня самой. Но речь шла о сыне!

– Аня... да ты меня прямо напугала! – хохотнул Анатолий, решив, что она его разыгрывает. – До меня даже не сра-

зу дошло, что это невозможно было сделать так, чтобы я не знал. И чтобы Виктор был не в курсе!

– А при чём тут ты? Ты уже уехал на север и работал, и жил там. А Виктора неоднократно пытались найти и приставы, и служба опеки. Длилось это долго, было муторно, хлопотно и трудно, но в конце концов, даже если отец не желает посещать заседания или его вообще невозможно известить, разбираются и без него. Так что судебное решение было вынесено заочно.

– Но... но этого не может быть! Ты говоришь, что Никите тогда было тринадцать? А Витька мне жаловался, что ему исполнительные листы присылают и присылают... Никита уже тогда школу заканчивал.

– Так одно другому не мешает! Лишение родительских прав никак не освобождает от уплаты алиментов, – спокойно сообщила собеседника Анна Павловна.

Ошарашенный Анатолий пытался как-то утрамбовать этот факт в своём сознании, но получалось это неважно, сознание сопротивлялось изо всех сил, а тут ещё и Виктор в саду объявился. Он уверенно шёл мимо облетевших яблонь, на которых кое-где ещё висели яблоки.

Нет, они как раз об этом и договаривались – Толя вызывает Анну в сад, подальше от сына и невестки, старается уговорить, а тут и Витька приходит, окончательно убеждая бывшую жену в собственном раскаянии и необходимости его простить-пустить-взять на уход, кормление и содер-

жание. Только вот в данный момент его присутствие было категорически неуместно!

Толик попытался было намекнуть кузену о том, чтоб тот шёл куда-нибудь подальше, но ничего у него не вышло – Витька пёр на них как бульдозер!

– Анечка, я так и не сумел с тобой поговорить, а мне так нужно попросить у тебя прощения! – начал он издалека.

– Не нужно, – мило улыбнулась Анна Павловна. – Иди себе с миром!

– Ну как же! Я теперь так сожалею! И ты, и Никитка, и мои внуки... я так мечтаю со всеми вами общаться!

– Ты никакого отношения к Никите не имеешь, – сообщила ему Анна.

– Анечка, вот только не надо... если ты хочешь сказать, что он не мой сын, то не смей меня – он же копия я в его годы!

– Ещё раз повторяю – ты никакого отношения ни к Никите, ни к моим внукам не имеешь! – Анне стало неожиданно весело, тем более что рядом подпрыгивал взволнованный Толик, не очень-то понимавший, как бы известить кузена о том, что обстоятельства изменились.

Нет, он уже и рот открыл, чтобы сказать что-то вроде:

– Анна лишила тебя родительских прав!

Но вместо этого сказало совсем другое:

– Кто пустил сюда эту собаку? Пошла вон! Вон отсюда! Убирайся!

– Это просто щенок... что ты так кричишь? – вздохнула Анна, глядя, как Анатолий подхватывает с земли яблоневую сучковатую ветку и с неожиданной прытью мчится за голенастым щенком-подросточком.

– Он всегда был трусоват... – доверительно поведал ей бывший муж, подходя поближе. – Но вообще-то это к лучшему! Мы хоть сможем поговорить по душам.

– Извини, но мне не хочется. У нас нет общих тем.

– У нас есть общий сын и общие внуки, – Виктор очень постарался выглядеть максимально привлекательно и теперь начал раздражаться – Анна вообще никак на него не реагировала. Нет, понятно, что она сейчас изображает этакую независимую даму, но надо же и меру понимать!

– Замуж так и не вышла – значит, до сих пор не забыла! – самодовольно думал Виктор. – Ну, хорош уже выпендриваться. Кому ты ещё нужна-то? Давай, милая, давай! Самостоятельность и всякие прочие финты ты мне уже продемонстрировала, пора смягчаться.

Правда, Анна Павловна отчего-то никаких признаков смягчения не выказывала...

– У нас? Это у меня есть сын, у тебя – нет.

– Дорогая, ты чего-то заговариваешься! Никитос мой сын, равно как и твой. Кстати, если что, он обязан мне помогать! – самодовольно заявил Виктор.

– Ничего он тебе не обязан. Погоди-ка... ты так и не получал судебные документы? – Анна усмехнулась, – Ну конечно

же... ты ж скрывался от алиментов.

– Аня, зачем сейчас об этом вспоминать? Я же действительно от души хочу примирения, хочу просить тебя о втором шансе для наших отношений, хочу поближе узнать сына, внуков. Хочу...

– Извини, но твои желания мне неинтересны, а Никите так тем более! Никаких вторых, третьих и прочих шансов через тридцать лет не бывает. А в тех документах, которые ты упорно не получал, помимо всего прочего, было судебное решение о лишении тебя родительских прав.

Если бы перед Виктором ударила молния, он и то так не изумился бы. Он медленно, но верно проходил все стадии осознания истины, начиная от возмущения и криков о том, что это подлое враньё, и раз она так, то он ваааще на алименты подаст, благо пенсионер и имеет право, и до воспоминания:

– Ёлки-палки, я ж тогда и правда выбрасывал целые пачки каких-то дурацких судебных конвертов, вообще не читая... Да как же она осмелилась? Вот тебе и тихая Анечка! Вот же ссс...

Он бы и высказал много чего, только Анна не стала дожидаться, что именно в результате выдаст её бывший супруг – неинтересно было. Так что она оставила Виктора шипеть и сссипеть в своё удовольствие и ушла в сторону дома.

– Мам, а что это ты такая загадочная? – Никита вообще-то был недалеко – на всякий случай.

– Да вот... порадовала Виктора Петровича известием о том, что он уже скоро двадцать лет как лишён родительских прав.

– Он не знал?

– Представь себе, был не в курсе! Сейчас стоит в саду, осознаёт. Вид презабавный. Знаешь, я до сих пор благодарна своей коллеге за то, что она тогда рассказала о своём опыте – оказалось очень полезно.

– Ещё бы! Сейчас, сообразив, что ты себе на шею его усаживать не жаждешь, он бы на алименты подал. Нет, сумму большую ему никто и не присудил бы, но... – Никита поморщился, ощущая, что ему очень хочется вымыть руки от одной только подобной мысли. – А ещё мог бы потребовать законных встреч с внуками.

От подобной идеи перед глазами засверкали искры...

Вообще-то за эмоции в их семье отвечала Тома – это от неё искрило, гремело и закорачивало всё, что только можно, и даже то, что физически не могло устраивать подобные финты. А вот, оказывается, и его можно пробить на подобное...

– Моя болевая точка! Ну что ж, хорошо, что мама меня подстраховала! – думал Никита, уводя Анну Павловну подальше от ругани, доносящейся из сада.

– Эк его подняло да понесло. Ну с почином знакомства с реальностью!

Неудачи всегда осознавать трудно, но Анатолий Павлович с этим справился – что ж делать-то, если бывшая невестка оказалась такой... неожиданно ушедшей и коварной?

– Кто бы мог подумать, какая она оказалась... В тихом омуте черти водятся! – сделал вывод Скобянов, внезапно пожалев, что затеял эту встречу в аккурат под ремонт моста.

– Так бы уже уехали, а сейчас придётся их тут терпеть. Ну да ладно! Надо приступать ко второй части запланированного!

Действительно, не зря же он родичей собрал! С Витькой не вышло, конечно... Жаль-жаль, но, если поразмыслить, то кузен сам виноват:

– Надо же было так запустить свои дела! Но Анька-то! Вот тебе и тихоня! А может быть... так оно и лучше будет!

Новая идея родилась в голове хитроумного Анатолия Павловича, органично слилась с предыдущей и заставила его одобрительно покивать головой – гениально же!

– Вот за ужином всё и объявлю! – решил он.

Решено – сделано!

– Мои дорогие! Я попрошу у вас немного внимания! – начал хозяин дома, когда все собрались за столом.

Анатолий Павлович осмотрел собравшихся и продолжил:

– Как все вы знаете, я выкупил и восстановил этот дом, потому что это наше родовое гнездо, тут жили наши предки! Так как мне нужно достаточно часто отсутствовать по делам, я думаю, что кое-кто из семьи вполне может жить здесь,

следить за порядком, заниматься работниками, закупками и всем прочим.

– Витечка и Аня? – уверенно предположила Вера. – Что? Что я не так сказала?

– Я бы попросил меня не перебивать! – сердито сверкнул глазами на сестру Анатолий. – Я говорю о человеке, который в последнее время часто сюда приезжал, который обошёл все окрестности, который...

– Дядь, не томи! Кто же этот загадочный человек? – усмехнулась Стеша.

– Я же просил не перебивать! Это Полина!

– Поооолька? – выдохнула Стеша, почему-то сильно побледнев.

– Дядя, я не могу! – Полина даже не сразу сообразила, что речь идёт о ней – она резала кусок мяса, старательно укладывая кусочки горкой, как вдруг оказалась в центре внимания.

– Почему же? – покровительственно заметил Анатолий. – Ты приезжала, ты всем тут интересовалась, что весьма похвально, ты молода, с хозяйством справишься. Дом большой, и тут тебе будет гораздо удобнее жить, чем у вас в квартире – можешь выбрать любую комнату!

– Я работаю... и не планировала уезжать из Москвы.

– Поль, да что ты там работаешь? – заметила её двоюродная сестра Вика. – Зарабатываешь копейки, комнату снимаешь убитую, а тут вон... хоромы! Для тебя классная возможность! Да и дядя тебя явно не обидит. Правда, дядь Толя?

– Ну конечно, не обижу! А ещё приглашу сюда Виктора. Так Полечке и спокойнее будет, и всё какая-то компания – не скучно. Правда, Вить?

– Ээээ... – Виктор лихорадочно соображал, выгодно ли это ему или нет, но тут среагировали Пóлины родители – отец хмыкнул и пожал плечами, а мать громогласно заявила, что это замечательно щедрое предложение и Полина должна быть за него благодарна.

Правда, её выступление было прервано неожиданным образом – Поля замотала головой и начала было что-то говорить, но её перебила Стефания:

– Щееедрое? Ах вот как ты... ах тыыыы... значит, тебе всё, а мне? А я? Тыыы, ты подлизывалась к дяде, ты втиралась в доверие! – она откинула руку матери, которая пыталась её удержать, рванулась прочь, опрокинув стул, и выскочила из-за стола.

– И что бы это значило? – изумилась Тома, проводив глазами «одуванчик, подхваченный смерчем». – Насколько я понимаю, Полине всего-навсего работу предложили, причём нежеланную, а Стефания что подумала? Что сестре дом дарят?

Глава 7. Совершенно очаровательный ребёнок

Стеша с рождения была очаровательна – прелестный светловолосый ребёнок, обаятельный, ласковый и милый. С раннего детства она очень быстро простужалась, была слабенькой, хрупкой, вечно мёрзла, доверчиво, как птенчик, принимая заботу родных.

– Стешенька такая зайнышка маленькая... – млели над ней окружающие.

– Очаровательная девочка, – вторили им случайно встреченные знакомые и не очень знакомые люди.

Всё так и было, правда-правда! Правда, ровно до того момента, как Стешина мама не осознала, что она слегка поправилась...

Ну, поправилась и поправилась, дело житейское.

– Надо на диету сесть, – машинально подумала Валентина Павловна, занятая очередной Стешенькиной простудой.
– Потом когда-нибудь.

Мысль о том, что она вообще-то может ждать ребёнка, подумалась не сразу – какой ещё ребёнок, если у неё есть её славное сокровище – Стеша?

Но... так уж случилось, что этот самый непрощеный и неожиданный ребёнок взял да и появился в их жизни.

– Женщина, вы чего? Да вы же уже на пятом месяце! – известили её в женской консультации, и Валентина схватилась за сердце.

– Но у меня уже есть ребёнок! – ахнула Валя, словно этот факт как-то мешал ей ещё раз стать матерью.

– Ну, значит, будут два! – флегматично посчитала врач. – В смысле, двое детей. Да что вы так расстроились! Муж против?

– Нет... дочка... я не представляю, что с ней будет, когда она узнает!

И Валентина как в воду глядела. Практически пятилетняя Стеша, узнав о том, что у неё будет сестричка, устроила такой скандал, от которого аж стены тряслись!

Нет, сначала она ничего не поняла...

– У меня будет кто? Кукла? Новая куколка? – уточнила она.

– Стешенька, это будет живая девочка, твоя сестричка. Маленькая... да, как куколка, хорошенькая девочка.

– Чтоооо? Какая ещё девочка? А где она будет жить?

– Ну как где? У нас дома, – признались родители.

– Не хочу! Не нужна мне никакая сестра! – уверенно заявила Стеша. – Выбросьте её!

Известие о том, что выбросить уже никак нельзя, вызвало у милой девчушки натуральный шок.

– А я сказала, что не-хо-чу!

Стефания и не сомневалась, что стоит только немного по-

визжать, упасть на пол, повалиться там, колотя руками и ногами, заливаясь слезами и рыдая, как взрослые тут же скажут ей, что всё-всё, никакой сестры не будет.

Но, увы и ах... визжала она долго, родители, попеременно хватаясь то за голову, то за сердце, бегали вокруг, но по факту это ничего не изменило!

Первый раз, когда Стеша не сумела добиться своего, стал для неё откровением – оказывается, бывает и так. Оказывается, её желания ничего не значат!

– Я... я уже ненавижу этого ребёнка! – выдала Валентина после изнурительных уговоров и бесконечных задабриваний Стешеньки.

– Угораздило же меня забеременеть!

– Ну, может, дальше будет получше... Может, когда маленькая родится, Стеша успокоится? – размечтался её муж, который тогда ещё иногда подавал голос и даже что-то решал в семье.

Да как же! Чем дальше, тем всё становилось только хуже.

– Как это она будет жить в моей комнате? Не хочу! Не пущу! – верещала Стеша, и ей пообещали отдать гостиную.

– Почему ей купили все эти вещи, если она ещё даже не родилась? – надувалась маленькая красавица, и ей покупали очередную игрушку, только бы она не переживала и, чего доброго, опять не простыла.

Когда Валентина вернулась домой из роддома, уже пятилетняя Стеша заглянула в свёрток, брезгливо поморщилась

и сказала:

– Давайте это куда-нибудь отдадим! Она страшная и лысая. Вы говорили, что я её полюблю, как только увижу, но этого не будет!

Нет-нет, перед рождением сестры, глядя на такую реакцию своей ненаглядной кровиночки, родители по совету Анатолия Павловича отправились к детскому психологу, который из всех сил пытался убедить Стешу в том, что сестра – это вообще даже неплохо! Беда только в том, что убедить можно далеко не всех. Вот Стеша, например, не желала терять ни крошечки, ни капельки из того, что безгранично принадлежало только ей, поэтому попросту пропускала мимо ушей все разговоры.

– Понимаете... Стеша очень развитая девочка, – осторожно начал психолог после нескольких бесед с упрямицей, – только... слишком уж привыкшая к тому, что всё вокруг принадлежит ей. Да-да, я знаю, что она слабенькая и болезненная, вы пару-тройку десятков раз об этом уже упоминали, но это же не причина, чтобы так распускать ребёнка.

Собственно, на этом общение с данным специалистом и закончилось.

– За что мы платим деньги? – ядовито уточнила Валентина. – За то, чтобы вы нам что-то ещё и высказывали? Мы другого психолога найдём! Хорошего!

Другой психолог тоже безуспешно пыталась пробиться сквозь толстенную стену наращённого родителями и самой

Стешенькой бронбойного эгоизма, которым она была окружена, как крепостной стеной. Попытки как-то примирить ребёнка с действительностью вдребезги разбивались о нежелание чудесной, прелестной, нежной и милой девчушки уступить хоть пядь своих владений.

Чем старше становилась Полина, тем больше злилась Стеша, а когда злилась, болела, страдала, мученически откинувшись на кровати, так, что взрослые поневоле начинали сердиться на виновницу всего этого.

– Честное слово, что этот невозможный ребёнок опять делает у комнаты Стешеньки? Поля! Уйди! Немедленно уходи в свою комнату и не выходи оттуда! Из-за тебя сестра болеет! – то и дело кричала Валентина на младшую дочь.

– Поль, иди от греха подальше, – гораздо мягче и тише, желательно, чтобы не слышали жена и Стеша, советовал отец.

На какое-то время удалось решить проблему, отдав Полину папиным родителям – Стеша сразу же перестала болеть, счастливый смех любимой дочери вернул душевное равновесие Валентине, и только осознание того, что Полька вернётся, портило ей настроение.

К сожалению, возвращаться Поле пришлось довольно быстро – водить внучку в школу и забирать её оттуда, да и вообще заниматься ею пожилым людям было уже неважноту, так что в царстве, принадлежащем Стешеньке, опять начался раздор и ругань.

– Да чем? Чем я тебе мешаю? Я сижу в своей комнате, не трогаю тебя! – удивлялась Полина.

– Это была моя комната, и всё, всё тут было моим! И я не просила родителей тебя рожать! – ярилась Стеша. – Ты мне не нужна! – кричала она.

По слабости здоровья, которая проявлялась бесконечными затяжными простудами, Стеша училась не очень-то хорошо, так что потом дядя оплатил ей обучение, выбрав Историко-архивный институт.

– А что? Для Стеша самое то – тихо, мирно, никаких стрессов, будет историю рода изучать, вести исторические исследования, – решили родственники.

Стеша была не против – почему бы и нет?

– Историк... это звучит красиво.

Прошлое завораживало, давало возможность отвлечься от её жизни, от бесконечного непонимания окружающих, которые никак не могли осознать, какая такая трагедия случилась в жизни красавицы-Стеша.

Правда, закончив институт, она наткнулась на информацию, полностью перевернувшую её интересы и восприятие мира – очередной психолог, к которой она пришла в надежде найти понимание и поддержку, просто-таки погрузила её в это самое понимание по самую макушку:

– Да как же ты жила до этого? Это же невыносимо! Твои родители... а они спрашивали у тебя, а можно ли им родить сиблинга?

Незнакомое слово означало всего лишь ребёнка от тех же родителей, у которых родилась и Стеша. Да, наверное, можно было сказать «сестру», но... зачем, если есть такое модное словечко?

Стефания, осмыслив вопрос, трагичным тоном выдала чистую правду:

– Нет! Меня, маленькую и больную, просто поставили перед фактом!

– Вот! Вот это и было ужасной травмой, которую тебе нанесли! – с видом великой пророчицы заявила психолог, тряхнув короткими волосами и прижав руки к груди – демонстрируя боль и переживания за клиентку.

– А мне говорили, что это не стоит и выеденного яйца! – наядбедничала Стеша.

– Ужасно! Просто кошмар! И кто тебе такое сказал?

– Все! И папа, и бабушка с дедом, и тётка, и одноклассники, и однокурсники! – перечисляла несчастная.

– Запомни! Если кажется, что тебе нанесли психологическую травму, то это не кажется! Только ты можешь знать, нанесли тебе её или нет. И все, кто говорит иначе, просто пытаются обесценить твои страдания и переживания!

Примечание автора: уважаемые читатели, я ЭТО не придумала. Такой взгляд (это и про разрешение на ребёнка, и про травму) реально существует, часто используется некоторыми психологами и очень активно ими отстаивается. Пожалуйста, будьте внимательны, когда с кем-то консуль-

тируетесь или что-то этакое читаете! Уточняю, что настоящие профессионалы заслуживают глубочайшего уважения, но их надо найти, а не покупаться на громкую рекламу случайных личностей или инфоцыган.

У нас отсутствует государственное лицензирование для психологов-консультантов. Это означает, что чисто юридически оказывать консультационные психологические услуги без диплома не запрещено. Да, с недавнего времени принят профессиональный стандарт, но не все ему следуют... Профессия психолога также не подразумевают врачебного образования, проще говоря, назваться психологом или психоаналитиком может человек, не имеющий вообще никакого отношения к профессионалам-психологам.

Вооружившись этим откровением, Стеша вернулась домой и учинила скандал, совершенно потрясающий по силе и громогласности. В результате Поля переехала в общежитие строительного института, а Стеша осталась единовластной королевой в своём царстве-государстве, держа подданных под пятой вечной вины перед её величеством.

– Вы нанесли мне травму! Я из-за вас вечно болею, из-за вас всё детство страдала! – выдавала она, как только считала, что ей уделяется недостаточно внимания, ресурсов и прочего.

Нет, тётя Вера на это не поддавалась, громогласно заявляя, что Стешка – эгоистка каких мало, но ссориться с сестрой она не хотела, поэтому подобные заявления озвучива-

лись перед дочкой, мужем и его лучшим другом – отцом Стефании.

– Ну ты ж понимаешь, что это правда? – уточняли у него.

– Понимаю, а что делать? Уже всё выросло... – вздохал он, втихомолку подрабатывая и помогая младшей дочке.

Полина, кстати, никаких проблем не доставляла – спокойно училась, нашла себе работу сметчика ещё на третьем курсе, начала потихоньку зарабатывать, а после окончания института устроилась в эту же организацию на полный день, получила служебную машину и всю разъезжала по объектам.

По странному совпадению, один из их объектов – коттеджный посёлок – находился не так далеко от дядино дома, и первый раз Поля заехала туда в конце лета, передавая дяде какой-то свёрток от отца.

Именно тогда она и нашла щенка – маленький серый комок бесстрашно вывернулся под колёса, хорошо ещё, что Поля ехала очень медленно.

– Как ты меня напугал! – она подхватила на руки грязного собачьего детёныша, ощупывая его на предмет травмы. – Нет, вроде ты цел... Может, поесть хочешь?

Поесть он хотел безусловно, так что Поля скормила ему все свои бутерброды.

– Давай я тебя в деревню отвезу, может, ты оттуда? – понадеялась она.

К сожалению, в деревне щенка никто так и не признал.

– Да небось из машины выкинули, – равнодушно отозвался один из местных. – Кто? Ну кто-кто... Дачники. Что вы хотите, отпуск у людей заканчивается, они в город возвращаются, а этих куда?

Он кивнул на щенка, доверчиво уснувшего на сидении Полиной машины.

Полина попробовала было пристроить малыша в деревне, предлагала деньги, но...

– Да у нас тут своих полно. Неее, девушка, и не уговаривайте. Разве что Скобянову пристроите. Ну, это типа крутой тут у нас такой поселился. Тоже мне... сам-то родом из нашей деревни, а сейчас нос задирает только так!

Поля быстренько свернула разговор и отправилась к дяде, к которому так и не доехала со свёртком.

К счастью, тогда щенка он так и не увидел – первым Полю встретил дядин повар.

– Ой, да что вы! Анатолий Павлович собак терпеть не может. Мы с супругой хотели завести – всё-таки места тут глухие, но он их панически боится.

– Да куда же мне его! – Поля чуть не плакала. – Я бы попыталась с собой взять, но я на съёме и договор заканчивается только в январе, а неустойка такая, что я не потяну...

– Ну... можете попробовать оставить тут. У нас за садом сарай есть. Туда ваш дядя почти не ходит. Единственное, кормить я его не буду – если ваш дядя заподозрит, что я продукты собаке выношу, уволит с ходу.

– Да я сухой корм ему куплю. Вы же насыпать сможете?

– Смогу... ну, или я, или супруга. Только смотрите... не бросайте его. Мы точно взять себе не сможем. Ответственность на вас!

Вот уж чего-чего, а ответственности у Поли было предостаточно – слишком рано пришлось понять, что её жизнь во многом зависит исключительно от неё самой. Да, папа помогал, но много дать младшей дочери он не мог, так что ей приходилось крутиться.

Она зачастила к дяде, кстати, недаром и ездила – уже наметанным глазом обнаружила несколько недочётов в ремонте, правда, основной цели появления племянницы Анатолий Павлович не знал, вот и трактовал её визиты по-своему.

Семейное сборище Полину ни капельки не интересовало, но предоставило возможность побыть со щенком, к которому она уже накрепко привязалась.

– Хоть угощу повкуснее, – радовалась она, откладывая еду, потому что лишний раз просить повара не хотелось – зачем подставлять человека. Нет, сухой-то корм она привезла с запасом, но серый шарик, вымахавший за это время в голенастого неуклюжего собачьего подростка, явно был не против чем-то и полакомиться. Точнее, была не против – выяснилось, что это девочка.

– Ты моя хорошая, моя ласточка, солнышко, – ворковала Полина, прячась в старых сараях от любопытной Стефании.

– Потерпи немного, я тебя отсюда постараюсь забрать как

можно скорее. Понимаю, что тут не очень-то хорошо, но будку я тебе в сарае соорудила, матрасик привезла, там тепло. Еда есть, я буду приезжать... Ты, главное, постарайся часто дяде не попадаться, а то он вон какой... шумный и боязливый.

Когда за столом дядюшка высказал свою «гениальную» идею, Поля от изумления даже не сразу сообразила, что именно надо ответить, как включилась старшая сестра.

– Чего её завело-то? В какое доверие я втиралась? Чего это всё мне? За домом следить, да дядьВите домработницей быть? Вот уж счастье-то! И с чего бы я должна на это соглашаться? – думала она.

Поля только глазами хлопала, глядя вслед умчавшейся сестре.

– Вот же... эгоистка невозможная! Даже не эгоистка, а эгоцентристка! Она видит мир только в проекции вращения вокруг её драгоценной особы! Как это, что-то её не касается? Чем дальше, тем мозги у неё работают всё хуже и хуже, даже не врубилась, о чём речь идёт.

Поля старалась со старшей сестрой общаться как можно меньше – хватило на всю жизнь детской памяти, когда она была виновата во всём и всегда ещё даже до рождения.

– Да, понятно, что её такой родители сделали, но хоть какие-то тормоза надо было ей дать? А то уже совсем того... придумала, что её мнения должны были спрашивать, прежде чем меня рожать. И травм этих... психических насобираала

миллион с хвостиком! Да если по её логике рассуждать, она и есть огромный травмирующий окружающих объект!

Сама Полина такими вещами не увлекалась – некогда было, да и без толку. И потом... насмотрелась она, что происходит, когда человек анализирует любое обстоятельство жизни с точки зрения «мнУ обидели». А ещё... наверное, просто отторгалась организмом излишняя эмоциональность.

Впрочем, тем вечером рассуждать о чём-то подобном у неё времени попросту не оставалось – после выходки сестры и её спешного бегства в Полину с криками вцепилась не разобравшаяся в ситуации мать.

– Ты что тут устроила? Что затеяла? Хотела Стеше навредить?

К счастью, это безобразие прекратил дядя Толя.

– Валентина, немедленно замолчи! При чём тут твоя Стефания? Я в любом случае не собирался ей предлагать следить за домом. Разве она справится? Ты же мне все уши прожужжала о её слабом здоровье. Да и нервы у неё, извини, в плохом состоянии, а тут всего-то будут жить пять человек – Поля, Витька в дальнем крыле, повар с женой и разнорабочий. Стеше это надо?

– Аaaa, так ты про работу? – сразу расслабилась Стешина матушка.

– Не про работу, а про присмотр за нашим домом! – поправил её педантичный Анатолий. – Ну и за Витькой. Он сможет свою квартиру сдавать, а жить тут – всё какая-то для

Поли охрана.

– Ошалеть! – Поля изумлённо смотрела на дядю, который так лихо за неё всё решил. Её начал неудержимо разбирать смех, так что она едва сдержалась.

– Дядя, а можно нам поговорить? – она собралась максимально мягко отказаться, прекрасно помня о том, ради чего сюда вообще ездила – поспорить с дядей, ещё прикажет её не пускать, а как же её щень?

– Да, Полиночка, полагаю, что нам надо много чего обсудить. Но давай-ка попозже, – дядя скосил глаза на экран смартфона. – Мне Матвей звонит, так что вечером поговорим, после ужина.

Но после ужина разговор не состоялся по объективной причине – Стефания бесследно пропала из своей комнаты.

Глава 8. Пропажа сокровища

Обнаружила это Валентина Павловна. Она несколько раз заходила к дочери, пытаясь её успокоить, объясняла, что дядя вовсе не собирается передавать Польке дом, а просто хочет нанять эту неудачницу для присмотра за хозяйством и дядей Витей.

– Солнышко моё, ну ты же понимаешь, что Витька тут всё по миру пустит... Баб натащит, грязь устроит. А Полька хоть проследит за порядком! Толик сказал, что тебе он и предлагать это не стал бы! Где ты, и где Полька! – Валентина по-своему трактовала слова брата.

– Понимаешь, зайка моя? – то и дело уточняла заботливая мать, пытаясь понять, а прошла ли гроза?

– Мам, отстань! Я хочу отдохнуть, а ты мешаешь! – наконец-то заявила Стеша. – Уходи, я посплю.

Пришлось уйти, но, разумеется, недалеко. Так, чтобы то и дело оказываться около Стешиной комнаты.

– И отвлеклась-то я совсем на чуть-чуть! – изумилась Валентина, когда обнаружила, что в комнате темно, а дочери нет!

– Стешенька! Сте-шаааа! И куда пошла? Может, проголодалась?

Но нет... ни в столовой, ни в кухне Стефании не было. Повар её не видел, его жена – тоже.

– Ничего не понимаю! Стеша за городом не любит выходить из дома в темноте! – встревожилась Валентина.

– Да куда она не денется! – вздохнул её супруг, сильно разозлив жену.

– Тебе всегда на всё наплевать! А я... а мне беспокойно!

Она снова вернулась в Стешину комнату и тут обнаружила на столе оставленный на видном месте клочок бумаги, на котором было написано: «Поля хочет со мной поговорить. Попросила встретиться с ней у леса, так что я могу задержаться и не успеть на ужин».

– У какого леса? – Валентина растеряно выглянула в окно – вокруг, за освещённым контуром дворовых построек, стеной стоял тёмный и жутко враждебный еловый лес.

Она принялась звонить старшей дочери, но раз за разом слышала только: «Абонент находится вне зоны действия сети».

– Так в лесу же... болото! – беззвучно ахнула заботливая мать и кинулась искать Полину.

– Может... может, Стеша с ней?

Полины в доме тоже не было, и в попытках отыскать дочерей Валентина подняла на уши весь дом!

Муж пожимал плечами, сестра фыркала пренебрежительно, её муж вообще и с дивана не встал, Никита и его жена и мать недоуменно переглядывались, Виктор хмыкнул что-то невнятно, вновь уставившись в телевизор, и только Анатолий, как хозяин дома, предпринял какие-то разумные дей-

ствия.

– Раз в доме никого из них нет, значит, они гуляют и разговаривают в саду. Если ты так переживаешь, давайте сходим и поищем их, – предложил он.

Правда, если честно, то предложил он это исключительно, чтобы сестра от него отвязалась – она невыносимо зудела и всхлипывала прямо у него под ухом!

Поиски вокруг дома ничего не прояснили, и только когда Валентина взвыла на манер корабельной сирены, со стороны сада прибежала Полина.

– Мам, что случилось? – изумлённо спросила она, осмотрев группу людей.

– Где Стеша? – кинулась к ней мать.

– Не знаю... я её не видела, – растерянно ответила Полина.

– Как? Как ты её не видела, если сама вызвала её поговорить в лес! – страшным шёпотом из-за внезапно севшего голоса прошипела Валентина.

– Куда? В лес? Мам, да с чего ты это взяла? Я Стешу не видела с обеда!

– Поля... говори правду! Правду! Где Стефания! – тут уж и голос прорезался, и силы нашлись – Валентина подскочила к младшей дочери и схватила её за плечи.

– Говори! Куда ты дела сестру! Что с ней!

– Мам,пусти! Я не знаю, где она, я её не видела!

– Ах ты... ты думала, что никто ничего не узнает, да? Ты

думала, что она мне записку не оставит? Где она? Ты что, бросила её в лесу? Ты ударила её?

Валентину от перепуганной Полины силой отцепил Никита.

– Тётъ Валя, успокойтесь!

– Уйди! Пусти меня! Где моя дочь! Где Стешенька!?! – билась в руках здорового Никиты тощая, но неожиданно сильная тётка.

– Полька! Говори, тварь этакая, что ты сделала с сестрой! Я-то тебя знаю, ты всю жизнь ей завидовала, ты её ненавидела!

Полина с ужасом смотрела на мать, недоуменно мотая головой.

– Я не видела её!

– Поля, а как ты это объяснишь? – строго уточнил Анатолий Павлович, протягивая племяннице записку.

– Не отдавай её! Не отдавай! Это... это улика! Она уничтожит! – заверещала Валентина, впадая в натуральную истерику. – Где моя доооочь?

Анатолий машинально отдёрнул руку с бумажкой, но Полина успела прочитать то, что там было написано.

– Я понятия не имею, куда смылась сестра и где она прячется, – сердито заявила она. – Я сказала правду – не видела её с обеда и видеть не хотела!

– Ты... ты что ты с ней сделала, только скажи, где её оставила? – взывала Валентина, уже твёрдо уверившаяся, что со

Стефанией случилось что-то ужасное. – Если с ней что-то случилось, запомни... я тебя никогда не прощу! Я... я отрекись от тебя! Толя, вызывай полицию! Вызывай! Она что-то сделала с сестрой!

– Поля, а зачем ты выходила? – спросил её отец. – И где была?

– Да, куда ты ходила, если Стешу не видела? – выкрикнула мать. – Ты её ударила? Ударила и бросила в лесу?

– Как ты можешь! – не выдержала Полина, прижав руки в груди. – Как вы все можете? За что? Да нужна мне ваша Стешенька!

Прежде чем кто-то успел что-то сказать, она стремительно развернулась и кинулась в сторону темноты, прочно обосновавшейся под деревьями.

– Толя! Полициююю! – на одной ноте выла Валентина. – Она... она что-то сделала со Стешенькой! Моя девочка никогда бы не ушла в лес в темноте, никогда не осталась бы там одна. Я... я не переживуууу!

– А вы ей звонили? – вдруг деловито уточнила жена Никиты, и Валентина прервалась на полувопле, судорожно пытаясь сообразить, кто это такая и о чём спрашивает.

– Звонила? Ну конечно! Телефон недоступен!

– Так, погодите кричать. Ещё пара вопросов!

– Какие там вопросы! Вызывайте полицию, ловите Польшку!

– Да не доедет сейчас сюда полиция! – возвысила голос

Тома, и мир вокруг аж присел... кажется, даже старые высокие ели попытались пригнуться.

Валентина замерла как перепуганный заяц и перестала выдираться из рук Никиты.

– Почему не доедет? – уже практически нормальным тоном уточнила она.

– Потому что мост ремонтируется – там покрытие разобрано – Никита ездил проверял, – обстоятельно объяснила Тома.

– Да, тётъ, там не проехать! – подтвердил Никита, пытаясь понять, что затеяла жена.

В том, что Тома что-то задумала, у него уже никаких сомнений не оставалось – знал он расчудесно этот многообещающий прищур.

– Толя, тогда... тогда пусть высылают вертолёт! – вновь заверещала Валентина.

– СТОП! – звук, раздавшийся в непосредственной близости от взрыдавшей тётушки, настолько перекрыл все прочие, что одно только эхо от него серьёзно перепугало мирно посапывающего медведя, шесть лис и уважаемую супружескую волчью пару... О более мелких пострадавших и говорить не приходится – в саду, например, упали в обморок пять мышей-малюток, а при учёте их крепчайшей нервной системы это что-то да значит!

Валентина в обморок, к сожалению, не упала, но выть и вопить перестала, словно её кто-то насильно заткнул.

– Я просто хотела уточнить – а Стефания как со смартфоном общается? Ну есть люди, которые не очень-то любят гаджеты.

– Да она даже в туалет с ним ходит! – сообщила до сих пор молчавшая Вика. – Не расстается.

– Это правда, – подтвердил Стешин отец.

– О чём вы? Куда лезете? Зачем задаёте эти дурацкие вопросы? Не высовывайтесь со своими глупостями! – снова начала заводится Валентина.

– Никита, дурень, да отпусти ты меня! Беги за Полькой, волоки её сюда! И никуда не отпускай, понял? Выясни, где Стеша! А я... я её искать пойду!

– Куда ты пойдёшь её искать? – уточнил муж.

– В лес!

– Да тут вокруг болота! – не вовремя вступила Вера, ещё больше взволновав сестру.

– Именно! Может, Стешенька в болоте тонет, а вы меня не пускаете! Только я и могу доченьку спасти! Никита! Что ты стоишь? Беги за Полькой, лови её! Толик, вызывай полицию, а остальные... пошли искать мою Стешу!

Никита и не подумал бы слушать ценные тёткины указания, но его и Анну Павловну потянула за собой Тома.

– Пошли-пошли! Действительно, что нам тут делать? Поспешим! – она быстро утянула мужа и свекровь в темноту сада, понаблюдала оттуда за мельтешением смартфонных фонариков и более мощных, принесённых Анатолием из дома –

светлые пятна удалялись в сторону лесной калитки, которую днём показывал гостям радушный хозяин.

– Ну вот и славненько! – кивнула Тома. – Меньше народа, больше кислорода.

– Томочка, ты что-то поняла? – осторожно уточнила Анна Павловна. – Ты же не просто так вопросы задавала?

– Да... и чем больше я об этом думаю, тем больше у меня этих самых вопросов.

Тома покосилась на мужа, и он не подвёл:

– Например, бумажка с запиской...

– Именно! Зачем бы она оставила эту писульку, если всё время со смартфоном ходит? Сеть здесь берёт преотлично, могла бы сразу матери сообщение отправить, – кивнула Тома.

– Да, действительно странно, – согласилась свекровь. – А куда мы идём?

– Полю искать. Мне кажется, что я точно знаю, зачем она выходила и почему не могла объяснить причину – она явно подкармливает собаку. Помните, мы после обеда об этом говорили?

– И, конечно, при Толике сказать это она не могла – вон как тот гонялся с палкой за несчастным щенком, которого обнаружил днём в саду. Уж не знаю, тот это пёсик или нет, но вряд ли бы ему тут позволили и дальше оставаться! – добавила Анна Павловна.

– Так... мне кажется, что вон там какие-то сараи должны

быть! – повернул налево Никита. – Сейчас уже холодно, явно если Поля прячет собаку, то в каком-то строении.

Они, подсвечивая себе дорогу и время от времени спотыкаясь на корнях старых яблонь, дошли до сараев.

– Поля! Полина! – позвала Тамара. – Поль, выйди пожалуйста!

Тишину нарушило негромкое тьяканье и тихий-тихий шёпот Поли:

– Тише, чшшшш. Нельзя лаять. Сиди тихо, как мышка!

– Поль, мы вас обоих слышали уже, так что выходи и не бойся, тут только мы втроём, – подал голос Никита.

Полуоткрытая дверь ближайшего сарая приоткрылась пошире, и оттуда выглянула Полина.

– Вы тоже считаете, что я что-то сделала с сестрой?

Света было мало – и Тамара, и Никита не стали светить Полине в лицо, но и так было понятно, что она заплаканная.

– Нет, не считаем, – уверенно ответила за всех троих Тома.

– Ой, какой хорошенький! – восхитилась она, увидев застенчиво выглядывающую из-за ног Поли собачью мордочку.

– Это девочка, – Поля присела, обняв щенка и укрывая её полой куртки. – Зачем ты вышла? Там же теплее!

– Как зачем? Она тебя утешать пришла – ты же плачешь! – уверенно сказала Тома, глядя, как щенок слизывает слёзы со щеки хозяйки.

– Только дяде не говорите! Он её в лес выгонит, – выдохнула Полина, крепче прижимая к себе собаку.

Холодный ветер донёс до них отдалённые вопли «поисково-спасательного отряда», и Поля вздрогнула.

– Где эта зараза прячется? И зачем? Что ей надо от меня? – сердито спросила Поля, отчаянно волнуясь – а вдруг и эти люди, которые её вообще-то совсем не знают, тоже начнут с криками спрашивать, что она сделала с сестрой, или вызывать полицию?

– Ну у меня есть несколько идей, – дружелюбно отозвалась Тома. – Правда, я плохо знаю Стефанию, но... но мне кажется, что она отчаянно ревнива.

– Есть такое, – вздохнула Поля, у которой от облегчения даже голова закружилась, пришлось схватиться за протестующе скрипнувшую дверь.

– Вставай давай, а то ещё упадёшь! – Никита шагнул поближе, протягивая ей руку. – Внутри можно поговорить?

– Там старая мебель хранится, так что даже есть на чём посидеть, – кивнула Полина, пропуская их в сарай.

Устроились вполне уютно, приспособив тумбочки без ножек под стулья. Щенок, подробнейшим образом изучив их ноги, застенчиво забрался на расстеленное для него толстое одеяло рядом с Полей, прислонившись к её ноге, и задремал.

– Да, она очень ревнивая. Ужасно боится, что мне достанется что-то из того, что она считает своим, даже если оно ей и не нужно. Причём это не жадность – она лучше выкинет,

испортит это что-то, главное, чтобы этого не было у меня, – вздохнула Поля.

– Тогда её поведение за обедом вполне себе объяснимо – она решила, что тебе каким-то образом достанется дом, – кивнула Тома.

– Но мама-то ей всё объяснила – я слышала, когда уходила из дома.

– А самое главное осталось – тебя предпочли ей! – вздохнула Тома. – Значит, что нужно сделать? Предпринять что-то, из-за чего дядя откажется иметь с тобой дело.

– Да я ж не собираюсь тут оставаться! Я как раз хотела дяде сказать! У меня сейчас хорошая работа, меня повысили. Скоро зарплату получу уже с учётом повышения. Да, комнату снимаю не очень-то удачную, и её, – она кивнула на щенка, – забрать пока не получалось, но с учётом прибавки я теперь и за передержку могу заплатить – я выяснила, что такие есть! Всё равно если про неё дядя узнает, жить тут не даст. Ладно, с этим я разберусь...

– А твои знали, где и как ты работаешь? – уточнил Никита.

– Нет... никто не спрашивал. По-моему, они все уверены, что я девчонка на побегушках с копеечным заработком. Да, в самом начале так и было, но я же с института работаю и очень стараюсь. Так что мне эта дурацкая затея с дядиным домом категорически не нужна. Ой, это-то ладно, теперь главное, чтобы Стешку нашли, и она ничего не наврала.

– А что может?

– Много чего! По детству она нередко притворялась, что я её обижала, била, портила её вещи! Меня вечно из-за неё наказывали. Но я вам клянусь, я никогда ничего такого не делала!

Полине внезапно стало так важно, чтобы ей поверили – мать не верила никогда!

– Да само собой, не делала. Если бы ты что-то её хоть пальцем тронула, она бы тебя на атомы разобрала ещё тогда! – негромко рассмеялась Тома, разрядив обстановку.

Глава 9. Эволюция нелюбви

– Как ты думаешь, она могла из дома в лес уйти? – задумчиво уточнил Никита у Полины.

– Мне кажется, что нет. Она реально неуютно себя чувствует ночью на природе. Даже летом, даже на даче.

– То есть где-то в доме прячется? Или в гараже, или в подсобных строениях? – уточнил он.

– Скорее всего в доме, – вздохнула Поля. – Только вот мне никто не поверит, что это так.

– Мы же верим, – спокойно возразила ей Анна Павловна.

– А как ты думаешь, что она может предпринять? – Тама-ра прокручивала в голове варианты развития событий.

– Скорее всего, дождётся рассвета, выберется из дома, отправится к ближайшему болотцу, перепачкается с ног до головы, а потом заявит, что я её туда толкнула, когда вызвала на встречу.

Полина понурилась и начала наглаживать щенка – для успокоения.

– Тогда из это всего получается следующий вопрос – а что ты сама-то хочешь?

– В смысле?

– Ну, понимаешь, если тебе не хочется оставаться почти бесплатным завхозом с дополнительными обязанностями по присмотру за бытом Виктора Петровича и неохота объяснять

причину этого нежелания, то можно ничего и не делать – Стеша за тебя постарается. Анатолий Павлович в тебе разочаруется, а бонусом может быть полный игнор со стороны матери.

– А если Валентина всё-таки вызовет полицию или Анатолия заставит это сделать? – спросил Никита.

– Ну что ты! Анатолий Павлович за такое сам скорее сестрицу где-нибудь притопит! Это ж позор для рода! Плюс, приедут-то местные полицейские. Прикинь, какие слухи по округе пойдут! – усмехнулась Тома.

– Да, ты права! – Анна Павловна нипочём не могла себе представить, чтобы Толик сделал что-то такое...

– К тому же, ночью полиция ничего и не сделает – по мосту сейчас реально нельзя проехать, а выкрики Валентины про вертолёт... ну это и вовсе смешно.

– Да, определённые плюсы в этом есть, – согласилась Поля. – Но вы бы знали, как мне это всё надоело! Почему так, а? Чем я вечно виновата-то перед ними?

Вопрос был глуп, и Полина об этом знала...

Пришлось стиснуть зубы покрепче, чтобы не зареветь от обиды – какой смысл в двадцать четыре года заниматься пустой истерикой, она ж не Стефания, в конце-то концов. Справилась Поля с собой довольно быстро – сказалась солидная практика.

Вообще-то она и сама всё понимала... да, вот что ж делать, если мать всей душой любила Стешу? Если постоян-

но дрожала над ней и боялась за её здоровье во младенчестве, если была для неё самой заботливой и внимательной мамой...

– А потом появилась я, – уныло рассуждала про себя Полина, когда выпадала возможность проанализировать свою жизнь.

– Она меня не хотела, не ждала, вообще случайно всё вышло. Даже когда на роды поехала, больше всего переживала, как там очередная Стешина простуда! Может, если бы я была хрупкой, красивенькой и болезненной, то у мамы и на меня хватило бы заботливости, но я-то родилась по внешности так себе – обычная, а по здоровью – как кремень! Если за год три дня насморка есть – уже можно сказать, что прямо болела.

Из здорового младенца вырос крепкий, здоровый, шустрый и шумный, но никому не нужный младший ребёнок, который постоянно мешал слабенькой, нежной и ласковой Стеше.

– Понятное дело, мешала – мне же скучно было! Папа всё время на работе, а мама – со Стешей или по дому возится. А я? К маме подходить и отвлекать было запрещено, а сестра – вот она.

Стеша и так-то отчаянно злилась из-за появления младшей сестры, а уж при учёте того, что та ещё и лезла постоянно, вообще исходила от ярости, а потом, поразмыслив, начала использовать прилипчивость Полины в своих целях:

– Мамочка, меня Поля толкнула! Мам, она меня ударила! Она мне мешает спать, а у меня так болит голова! Она забрала и сломала новую куклу. Она меня укусила! Мамочка, я больше не могууу...

Вот укусила её Поля действительно – было такое. А остальное по большей части было враньём – как только Полина подросла и научилась читать, доставать Стешку стало попросту не нужно – было чем заняться.

Так что вскоре жалобы Стефании раздавались даже тогда, когда Поля к ней и близко не подходила.

– Наверное, Стешке тоже было скучно, вот она себя так и развлекала, – сообразила Поля, когда подросла.

Только вот... с точки зрения их мамы всё выглядело ужасно – младшая Поля, крепенькая как жеребёнок, доводила, обижала, толкала-пинала-кусала её слабенькую, болезненную Стешеньку, состояние которой из-за выходов младшей сестры постоянно ухудшалось – Валентина всё время заставляла старшую дочь в слезах, истерике и доказательствах проступков Польки – обрывках книжки или со сломанной игрушкой.

– Знала бы она, что это было просто способом получения новых подарков – всё, что Стешке не нравилось, она вот так «списывала» на моё вредительство, тут же получая новые подарки, чтобы бедняжка не расстраивалась.

Нет, Полина, конечно, пыталась открыть родителям правду, но как ей было справиться с хитростью и предусмотритель-

тельностью сестрицы, которая на пять лет была её старше?

– Короче, попадало ещё и за «Поля, не смей врать, раз испортила, признайся честно». А в чём признаваться-то, если я ничего подобного не делала?

Полину тоже отправляли к психологу – чтобы излечить от агрессии. Но, так как психологи выбирались мамой по принципу: «Я вам плачу, а вы меня слушаете», никакого прока от этого не было.

Как только очередной специалист пытался осторожно уточнить у Валентины Павловны, а почему она так уверена в том, у Полины есть агрессия к сестре, эта самая агрессия, но уже по отношению к психологу, вспыхивала у клиентки:

– Что это за психолог, если не может даже понять, что ребёнок ему в глаза врёт! Вы... вы просто ничего не знаете и не умеете, а ещё такая вся типа знающая!

Апофеозом была «специалистка», которую посоветовала матери уже подросток Стеша. Молодая женщина, которая активно начала вести приём клиентов после прохождения всего-навсего пары курсов по психологии, довела Полину до белого каления, пытаясь приписать ей абсолютно чужие мысли и поступки.

– Ты должна быть со мной абсолютно откровенна! Не надо врать, это тебе вредит, – мило улыбалась она. – Я же знаю всё-всё, что ты делала со своей сестрой. Давай мы признаем это, проработаем и отпустим. Ты наносишь себе травму таким подходом к делу! Мне тебя очень жаль, и я могу тебе

помочь.

Поле ужасно хотелось спросить у неё, почему надо верить Стеше и маме, а не ей? И чем эта тётенька может ей помочь, если поверила её сестре и матери, но заранее не верит ни единому её слову? И зачем так усиленно изображать фальшивые сочувствие и понимание? Но Полина уже тогда понимала, что это бесполезно, вот и сидела молча, упорно глядя в пол.

Правда, некоторый толк от этого всего всё-таки был – Поля гораздо лучше разобралась в том, что происходит в голове сестры:

– Если к хирургу придет человек и скажет, что у него перелом ноги, что врач сделает? С ходу покивает головой и наложит гипс? Нет, конечно! Он же сначала убедится в том, что это действительно перелом, правда? Иначе можно натворить беды. А тут человеку говорят прямым текстом, мол, раз ты говоришь, что у тебя травма, значит, это она и есть! И если кто-то говорит, что это не так, то это обесценивает твою боль и переживания. Твои страдания. Да, понятно, что душа – не нога, не кость, рентген не сделать, но какой-то здравый смысл можно включать, верно? И если «загипсовать» не свою травму, а свою обидчивость, зависть, жадность и тщеславие, то они только вырастут. Проблема-то больше будет, страшнее.

Полина, несмотря на то что тогда была только подростком и опыта было маловато, уже преотлично и всё это понимала,

и даже больше:

– Нормальный, хороший, настоящий психолог что скажет? Что ты всегда-всегда прав? Не думаю... Но неприятно же это слышать, тем более за свои-то деньги. И уж конечно, бывают люди, которым хочется, чтобы им не говорили, что надо как-то бороться с собой, вылавливать свою неправоту, а наоборот, сказали, что все вокруг виноваты, а они – хорошие, бедные, пострадавшие. Вот Стеша такая и есть, а мама... мама так её любит, что слепо верит всему, что сестра говорит, даже «ручного спеца» нашла.

Именно после этих сеансов со Стешиним «психологом» Полина решила, что пора меняться – стала вести себя хитрее, изо всех сил старалась возвращаться домой позже, засиживаясь в школе, на кружках, где угодно, только бы не попадаться сестре, которую всё равно не переспоришь и маме, свято верящей любому Стешиному слову.

Когда Полина закончила школу, поступила в вуз и ушла жить в общежитие, она слегка расслабилась – родные почти не трогали, так что все детские переживания отступили в сторону. Кто бы знал, что очень временно?

И вот опять её волнует тот же самый вопрос:

– Почему так, а? Чем я вечно виновата-то перед ними?

Тома сочувственно покачала головой – видала она уже подобное, когда одному ребёнку звёзды с неба достать готовы, а второй исчез бы, и не заметили.

– Ничем ты не виновата! И не спрашивай почему, спроси

зачем!

– Ну и зачем? – вздохнула Полина.

– А для хорошего характера и нормальной жизни! Смотри, ты же стрессоустойчива, как древнекитайский философ, и даже сейчас счастливее, чем твоя сестра! Ты сама стоишь на ногах, сама зарабатываешь, вон, собаку себе завела. Ничего... потихоньку всё образуется! А вот у Стефании, боюсь, всё будет не так уже оптимистично! Вот представь – сидит она где-то на чердаке и планирует гадость тебе делать. Ну фу же!

Тома так смешно сморщилась, показывая это «фуже», что Полина не выдержала и рассмеялась.

– Вооо, так уже лучше! Так что ты решила? Пусть она делает что хочет или наоборот?

– А наоборот, это как? – осторожненько уточнила Поля.

– Мы будем делать всё-всё, что хотим! – радостно возвестила Тома и хихикнула – муж, как человек опытный в её «чтохотениях», машинально взялся за голову.

– Мне, если честно, второй вариант как-то больше нравится! – призналась Поля.

– Так и прекрасно! Правда, у нас есть одна проблема! – Тома кивнула на серый комок, прижавшийся к Полиной ноге.

– А почему она проблема? – спросила Анна Павловна.

– Не хочется мне её тут оставлять – суета будет, вопли, крики... напугается ещё, убежит! – Тома оценила жест По-

лины, которая сгребла сонного щенка и подняла её к себе на колени.

– Вот бы её в дом забрать... – прикидывала Тома, поглядывая на Анну Павловну.

– Томочка, ты мне сразу скажи, что ты хочешь, чтобы я сделала? Я к ночи такая недогадливая... – покаялась она.

– Вы лучшая свекровь в мире! – заявила Тамара. – Вы можете её у себя в комнате подержать? У вас же там что-то типа гардеробной есть – хорошо бы щенка там спрятать, пока тут всякое разное происходить будет...

– Да запросто! – Анна Павловна подозревала, что её миссия будет самой простой – недаром сын как-то подобрался. – Если она не кусается, то я её и выкупать могу.

– Правда? Ой, как было бы хорошо! – обрадовалась Полина. – Нет, она не кусается совсем. Спасибо вам огромное! Для меня самое страшное было, что дядя выгонит Дину, пока меня рядом не будет, и я её потом не найду.

– Том... как я понимаю, ты уже придумала, что мы будем делать?

– Ну есть несколько идей, но самая простая – это по Шерлоку Холмсу... – Тома с надеждой посмотрела на мужа, тот напрягся, вспоминая, но не подвёл.

– Выкурить крысу из норы? – выдал он.

Примечание автора: Тома напомнила мужу о фразе Шерлока Холмса из рассказа «Подрядчик из Норвуда». Сборник «Записки о Шерлоке Холмсе».

– Точно! Я всегда знала, что ты у меня тихий, но очень умный! – с законной гордостью провозгласила Тома.

– А можно мне спросить, что это значит? – немного растерялась Полина.

– Да запросто! – щедро разрешила Тома. – В этом рассказе одного человека подставляет хитрый гад, делая вид, что человек его убил. Сам прячется в собственном доме, в специально обустроенном месте. Можно было бы дом долго обыскивать, но Шерлок сделал проще – устроил задымление, и преступник выскочил сам.

– Томочка... я вот только не знаю, как к этому отнесётся Анатолий Павлович – он же только что ремонт в доме сделал, – засомневался Никита.

– Так я ж не Холмс, у меня размах поменьше! – заверила мужа Тома, но, судя по взгляду Никиты, он ей не поверил.

– А как ты себе это «поменьше» представляешь? Стефания может прятаться где угодно, то есть дымить надо везде.

– Н-да... везде – это многовато и грязновато... Ой, погоди! Я сейчас поняла, что что-то упустила! – Тома прищурилась, а потом уточнила у Полины: – Ты же план дома видела?

– Ну да... конечно. Дядя мне его каждый раз демонстрировал.

– Планировка комнат в левом и правом крыле идентична?

– Ну да...

– То есть, если в комнате Анны Павловны есть гардеробная, то и в комнате, которая располагается в другом крыле,

она есть?

Полина призадумалась и ответила:

– Есть! Точно есть. И в этой комнате живёт Стеша – именно из-за гардеробной. Мама хотела, чтобы она рядом с ней располагалась, а Стешка выяснила, что крайняя комната, которая предназначалась мне, больше на целую кладовочку-гардеробную, и заставила нас всех меняться местами.

– Ну вот и ответ – я уверена, что Стефания сидит себе спокойно в этой самой гардеробной и в ус не дует. А утром она потихоньку выйдет, нырнёт на лестницу, которая прямо напротив её двери располагается, спустится на первый этаж и через чёрный ход выберется во двор – там её невозможно рассмотреть из окон, если она будет идти, прижимаясь к стене.

– А дальше в лес – в левую калитку, и к болоту, – продолжил Никита.

– Точно! И ведь не дура же! – с некоторым уважением, крепко замешанным с сожалением, протянула Тома – ей всегда было жалко, когда полезные ресурсы, а в данном случае – мозги, расплылись на такие безобразные идеи.

Сонно зашевелилась Дина на руках Полины, и Тамара вздохнула.

– Н-да... я не учла мост и дядю – придётся от выкуривания крыс отказаться – он же может психануть из-за дыма и запаха гари в его драгоценном особняке и сорвать злость на Диночке, а уехать мы пока не можем.

Никита облегчённо потёр лоб, неосознанно изобразив жест стирания оттуда пота.

– А мне так хотелось кого-то откуда-то повыкуривать, – запечалилась Тома, но тут же воспряла.

– Однако, ещё не вечер! Я идею-то запомню – пригодится. А сейчас...

Звонок смартфона Никиты спугнул очередную гениальную Томину идею, и возможно, это было к лучшему, так как дядя уточнил у Никиты, не обнаружили ли они Полину, не нашли ли Стешу, а ещё сообщил, что он сейчас вернётся к дому – батарейки в фонаре оказались старыми, надо срочно заменить.

– О! На нас выбегает дядезверь? – обрадовалась Тома, потирая руки. – Так это ж замечательно!

– Да что тут замечательного? – опасливо уточнила Полина.

– Замечательно, что он сам идёт. И один! Это лучшее из того, что могло приключиться! Так, Анна Павловна, берите Полю и Дину и идите мыть собаку да утешать её хозяйку! – скомандовала Тома, и Поле показалось, что в холодном воздухе сарая внезапно возник вполне себе мощный вихрь, подхвативший всех и куда-то понёсший.

– Только идите аккуратно – чтобы не было видно из Стешиных окон, – напутствовала их Тома. – Никита, прими думающий вид! Нет, не так, а посерьёзнее думающий. Воооо, самое то. Сейчас мы таки встретим твоего дядю и возьмём

его в оборот!

– А думающий вид зачем?

– Для декорации, конечно! Пошли!

Когда Тома с мужем уже не могли их слышать, Поля тихонько спросила у Анны Павловны:

– А она всегда такая? Ну... фррррр... и полетели?

– Почти всегда, – таким же шёпотом отозвалась Анна. – И это замечательно!

Прокрасться в дом незамеченными у них получилось чудесно, Полина несла Динку, которая пригелась у неё под курткой и была не против там и остаться на всю жизнь.

Комната ей понравилась, ванная вызвала некоторые подозрения, но рядом была Поля, а это значит, что всё в порядке, всё так и надо!

Динка чуть не уснула, осоловев от тёплой воды и изумительного ощущения чистоты по всей шкурке.

– Ну- расслабилась, – улыбалась Анна Павловна, сообразив, что её фраза может быть применена к обеим – Поля выглядела примерно так же.

Да, ещё ничего не решено, да, сестра не найдена, и непонятно, что в результате получится из затеи Тома, но все равно Полине внезапно стало так хорошо и спокойно, что она чуть не уснула, сидя у ванной и придерживая Динку.

– Поля, Поленька, давай-ка доставай её! Я вам место приготовила в гардеробной – там маленький диванчик, так я туда отнесла плед и подушку, – коснулась плеча Полины Анна

Павловна.

– Ой, спасибо! – Поля тёрла глаза и настолько походила на маленькую, только что разбуженную девочку, что Анна Павловна разозлилась.

– Да, понятно, что эта дура-Валентина изначально и очень сильно любит старшую дочь, но любовь – это же не деньги. Это их потратил, они и закончились. А любви и на двоих, и на троих, и на большее количество детей хватит, главное, чтобы эта любовь не была слепой и не видела только один объект, потому что остальные тогда воспринимаются злой помехой.

– Поля, а как ты смотришь на то, чтобы пожить у меня? Ну пока ты не найдёшь себе квартиру, куда пустят с собакой? – наконец-то решилась Анна Павловна.

Полина сушила дремлющую, разомлевшую от тепла Динку и даже не сразу сообразила, что ей сказали.

– А? Что?

– Не хочешь у меня пока пожить? Квартира трёхкомнатная, я вам с Диной комнату выделю, и можете спокойно перекантоваться.

– Ой, правда? Правда, можно? – Полина очень рано поняла, что рассчитывать может только на себя, поэтому никаких подарков от окружающих и не ждала, даже не надеялась.

Предложение Анны Павловны прозвучало именно как подарок – внезапное избавление от её страхов и проблем.

– Вы не думайте, я заплачу! – заторопилась она. – У меня

хватит...

– Поля, да не надо мне платить, что ты! Я же не сдаю комнату, а просто приглашаю тебя в гости. Вообще-то я очень жалею, что раньше не знала про твои проблемы – Никита и Томочка живут отдельно, так что я тебя давно могла бы позвать.

Полина почти никогда не плакала – сегодня вот только выпал какой-то день-исключение. Сначала разревелась из-за сестры и её подставы, а сейчас вот – от счастья. Правда, Дина тут же проснулась и начала её умывать, так что слёзы быстро закончились, а вот счастье осталось.

Счастье – штука разная. Вот Тома тоже почувствовала себя счастливой, когда узрела понурый силуэт главы купеческого рода. Это её счастье было азартное, с огоньком, с предвкушением и приятными предчувствиями...

Анатолий Павлович пребывал в унынии – во-первых, конечно, эта ужасная ситуация с пропажей племянницы и страшноватыми подозрениями по поводу Полины, во-вторых – непрекращающаяся истерика Валентины с попытками вызвать полицию, МЧС и ближайшую воинскую часть в полном составе, а в-третьих, разговор с Матвеем испоганили настроение до катастрофического уровня.

А тут ещё эта... Тамара. Выскочка, так не подходившая для его семьи! И, как назло, именно она вышла из сада ему навстречу.

– Ой, Анатолий Павлович! Как хорошо, что мы вас встре-

тили, – мило зачирикала выскочка.

– С чего это? – недовольно буркнул он.

– А нам тут пришло в голову, что комнату-то Стеши никто и не осматривал.

– Там Валентина была, – сухо отозвался он, и даже упоминание имени сестры вызвало приступ звона в ушах.

– Вот то-то и оно! – непонятно почему обрадовалась Тома. – Вот если бы вы там были, я бы была уверена, что там ничего незамеченного не осталось! А Валентина Павловна с ходу прочла записку, испугалась, запаниковала и явно больше не присматривалась ни к чему.

– А что она там могла увидеть? – невольно заинтересовался Анатолий.

– Ну как же! Например, смартфон – может, его Стеша на зарядку поставила да и забыла взять, а вдруг там – ррраз, и сообщение от Полины?

– Погодите-ка... а ведь точно! Стефания так раскричалась, когда выскочила из-за стола, что Полина явно бы не стала с ней в доме лично встречаться – послала бы сообщение. И уж, конечно, Вале не пришло в голову поискать смартфон.

Анатолий как-то воспрял духом – может быть, сейчас он найдёт гаджет и всё прояснится?

– Дядь, нам можно с тобой? Хоть какая-то польза будет! – подыграл жене Никита.

– Да, пошли. У вас глаза молодые, зоркие! – подобрел

Анатолий.

Он уверенно открыл дверь комнаты, куда заселилась Стеша, включил свет, оглядел помещение.

– Не вижу его! Может, она с собой его прихватила?

– А там что за дверь? – шёпотом спросила Тома, указав на гардеробную.

– А! Эта? – Скобянов решительно шагнул к двери и распахнул её. Света, падающего из комнаты, вполне хватило, чтобы узреть небольшой диванчик, а на нём...

– СТЕФАНИЯ? Что? Что ты тут делаешь? – взревел глава купеческого рода-племени, осознав, что смотрит на потенциально утопленную в болоте жертву, но вполне себе живую, здоровую, сухую, чистую и весьма уютно устроившуюся на диване, пока они обыскивали окрестные леса!

– Прямо счастье привалило! – пропела за его спиной Тама-ра. – Много, много счастья, и всё на диванчике!

Глава 10. Надиванное счастье

«Счастье на диванчике» захлопало глазами, ошалело воззрилось на ошарашенного дядю и несколько... подзависло.

Нет, если бы тут была её мама, то проблем бы никаких не возникло – Валентина Павловна моментально взяла бы ситуацию в свои руки, уволокла подальше брата, а потом в этом самом «подальше» говорила так много и так бурно, что он вообще временно забыл бы, о чём хотел сказать. У него с детства была такая реакция на перегрузку «операционной системы» Валентининым «спамом». Потом, конечно, припомнил бы, но главное-то – сразу переключить, а там дальше, глядишь, братец и не станет разбираться.

Но... Валентина бегала по окрестным болотам и пугала лесных обитателей рыданиями и завываниями, а дядя возвышался в дверях, причём вид у него был такой... неласковый.

Оно вообще-то и немудрено! Анатолий Павлович вместо привычно-комфортного времяпрепровождения и приёма гостей был вынужден бегать по окрестностям, утешать воющую волком сестру, переживать, волноваться, нервничать. И всё это только для того, чтобы обнаружить запропавшую, и возможно, пострадавшую племянницу в неге и удобстве, дремлющую в уютном пуховом одеялке?

– Стефания? Что всё это значит? – рывкнул оскорблённый дядя.

– А что? – Стеша со сна соображала медленно и расслабленно, вот и не успевала за дядюшкой.

– Ничего такого не значит... Что такого-то?

– Ничего? НИ-ЧЕ-ГО? А ничего, что мы бегаем по здешним болотам и ищем тебя? Ничего, что твоя мать всех на уши подняла, обвинила твою сестру в какой-то ерунде и требует вызвать всех на твои поиски – от полиции до МЧС с войсками?

– Ну я же её об этом не просила... – Стеша хмуро посмотрела на дядю.

Она с ним вообще-то общалась мало – больше мать старалась ради любимого дитятки. Это Валентина Павловна крутилась около брата, выслушивая его планы, поддерживая во всём, укрепляя во мнении, что на нём только и держится семья и род Скобяновых. Это она постоянно рассказывала Толику, как его любит и уважает Стешенька, как она переживает, что самочувствие не позволяет ей активнее помогать дяде, как она ему благодарна!

Самой Стефании оставалось только поддакивать матери, когда надо было съездить на семейное собрание и показаться дядечке, да изображать крайнюю степень признательности, получая от него очередной денежный подарок. Это было нетрудно. Стеша вообще не любила усложнять себе жизнь. Она прекрасно изучила окружающих людей, их реакции и что от них можно ожидать, а дальше просто-напросто использовала эти знания в своих целях.

Вот, например, кто-то другой в её ситуации, может, и стал бы действовать изощрённее – спрятался бы где-то подальше, пусть даже это было бы и не так удобно, но Стеше-то это было зачем?

Мать, прочтя записку и не обнаружив Стешу в комнате, ожидаемо перепугалась и с криками помчалась её искать, даже шага не сделав к гардеробной. Понятно же – ей и в голову не могло прийти, что дочь не откликнется на её вопли.

Дядя, привыкнув доверять сестре, разумеется, рванёт искать племянницу – конечно, с его-то нездоровым чувством ответственности «за род – за семью». А все остальные, как нитка за иголкой, потянутся за ним. Оставив дом в Стешинном распоряжении.

Так какой смысл ей терпеть неудобства на каком-то чердаке или тем более в тёмном, страшном и холодном лесу? Правильно! Никакого.

– Утром пораньше потихоньку выйду – дверь на лестницу чёрного хода как раз напротив комнаты. Спустишь и пойдешь к левой калитке в лес – ключ от неё я взяла. Там переберусь к ближайшему болотцу, испачкаюсь в грязи и тине, потопчусь на берегу, словно вылезла оттуда, и вернусь домой. Скажу, что Польша меня туда вызвала, а потом, разругавшись со мной, взяла да и толкнула в болото, а потом убежала. Понятно, что сам дядя полицию вызывать не будет, да и матери не позволит – как же... семья, огласка, зато моментально Польшку вышибет прочь и больше близко не подпустит! А

то... ишь ты, будет она у него тут за порядком следить, доверенное лицо!

Одна мысль о том, что Полину кто-то воспринимал лучше, чем её саму, заставляла Стешу корчиться от густой тёмной ярости, заливающей горло и не дающей дышать.

Одна только мысль, что она, Стеша, будет приезжать сюда отдохнуть, или у дяди что-то попросить и наткнуться на эту... эту... гадину, заставила моментально придумать план, как избежать этого вопиющего безобразия.

План был идеален, поэтому появления дяди на пороге временно лишило Стешу дара речи, однако... дяде надо было что-то ответить – вон как разоряется!

– Я жду! – злился Анатолий, который терпеть не мог, когда его делали дураком, а тут, кажется, именно та самая ситуация!

– Как вышло, что ты тут, а в твоей записке было написано, что тебя Полина вызвала на встречу?

– Она и вызвала! – Стеша приняла самое беззащитное, самое доверчиво-печальное выражение лица и пояснила:

– Просто... просто потом, когда я написала записку, она толкнула меня сюда и двери заперла!

– Тебя мать звала так, что я даже в центральной части дома услышал! Ты не могла находиться тут не слышать этот вой.

– Дядя... ну почему ты мне не веришь? – всхлипнула Стеша. – Поля меня толкнула сильно, я буквально улетела через

порог и ударилась спиной и затылком о стену, потом... потом помню только, что очнулась в темноте, а дверь закрыта! У меня до сих пор голова болит!

– А замка-то на двери гардеробной и нету... – прозвучал довольно-таки ехидный голос жены Никиты. – Так чем же вас, Стешенька, заперли?

– Что? Что ты такое говоришь? – взвилась Стеша, и тут же поняла – да, на проклятой двери и правда замка нет!

– Ээээ, Полька припёрла дверь чем-то, а потом убрала это. Она специально... специально, чтобы меня обманщицей выставить! – да, версия была откровенно слабой, но Стеша придумать ничего лучше не успела.

– Обманщицей? Да чего тебя выставлять такой, если ты так себя и ведёшь? Зачем тебе всё это вообще потребовалось? – неожиданно тихо и устало спросил Анатолий Павлович.

И тут смолчать бы Стеше, ничего не говорить, мол, сами думайте над моими внутренними загадками, но она не выдержала:

– Зачем? Да это всё Полька! Она виновата – она к тебе подлизалась, внушила, что она лучше, чтобы ты её оставил за домом присматривать.

– Ой, так это вы, Стефания, затеяли всё это, потому что хотели завхозом у дяди работать? И только-то? – коварно пропела довольная собой Тома.

Она прямо-таки по головке была готова себя погладить. А

что? Кто нашёл деву, кто приволок к ней дядю? Кто сейчас умный и мало того, что самостоятельно включил смартфонный диктофон на запись, как только Стешенька рот открыла на откровения, так ещё и мужу намекнул? Теперь остаётся только подправлять разговор в нужном направлении, да и всё!

– Вы бы так и сказали! Тем более что Полина мне говорила, что своей работой довольна, увольняться не собирается – её только что повысили. Если бы Анатолий Павлович это знал, то, конечно, и предлагать вашей сестре эту работу не стал бы, верно?

– Полину повысили? – невольно удивился Скобянов. – А мне Валя говорила, что она просто бумажки перекладывает, на большее не способна.

– С чего ты взял-то? – хмыкнул Никита. – Да ты с ней давно говорил? Спрашивал её о чём-то?

– Я с её матерью постоянно говорю!

– А она тут при чём? Насколько я в курсе, Валентина Павловна с младшей дочкой вообще практически не общается, – парировал Никита.

– Чтооо?

– Сдаётся мне, что ты не очень-то хорошо знаешь расстановку сил, да? – невесело усмехнулся племянник.

– Да что ты себе позволяешь? – рассердился глава семьи.

– А что? Разве это неправда? Ты мог себе представить, что прекрасная Стешенька решится так подставить сестру, а та

вовсе и не мечтает у тебя по хозяйству шуршать, потому что сама по себе совсем неплохой специалист?

Анатолий уставился на племянника с изумлением. Он всегда был крайне уверен в себе и во всём, что касалось его семейства, – уж он-то точно знает их всех досконально, только вот... сейчас это его знание как-то не укладывалось в реальность.

Так как ответить Никите, что, мол, да... облажался я, он был не в состоянии, пришлось повернуться к Стефании и потребовать у неё прояснить ситуацию.

– Это правда? Ты хотела подставить Полину? А если бы мы полицию вызвали? Ты хоть понимаешь, что всё это не шутки?

– Это ещё что... а вот если бы вы полицию вызвали, а Стефания прибыла бы из болота измазанная, слегка ушибленная и поцарапанная о ближайшую ёлку, да с обвинениями к сестре, что это она, негодяйка, её в болоте топила да о ель била! Сами понимаете, в таком случае, Полине крайне сложно было бы доказать, что ничего подобного она не делала. А это у нас уже вполне себе статья, да не одна, – озабоченно покачала головой Тома.

– Дядя! Кто она такая, что тут рот открывает? А? – возмутилась Стеша.

– Как это, Стешенька, вы не узнаете меня? Вы так хорошо представили, как вас толкает об стену Полина, которая сюда и не заходила, что у вас ментально-воображаемое сотря-

сение мозга? – Тома умела разговаривать тем сладким-пресладким ласковым тоном, от которого по спине слушателей маршировали толпы мурашек.

– Дядя! Пусть она заткнётся! – Стефания не привыкла, чтобы о ней кто-то говорил с такой неприкрытой иронией.

– Да с чего бы? Я, вместо того чтобы отдохнуть в гостях, вместо того чтобы прогуляться на закате по саду или по лесной дорожке, должна была выслушивать истерики, бегать искать вас... Но я-то ладно, а вот что пережил ваш дядя? – что показательно, про мать милейшей девы, которая так и сайгачила в ночи, Тома решила пока не упоминать – она сама такое вырастила!

– Ваш дядя чем виноват? – Тамара преотлично знала, как из раздражённого типа рядом сделать союзника, встав на его сторону, пусть даже временно. – Как он переживал и волновался, и это всё только из-за того, что вы позавидовали сестре?

– Стефания, так ты просто завидуешь Полине? – осенило Анатолия Павловича.

– Я? Я ей завидую? Чему там завидовать? Некрасивая, глупая дура! Её никто не любит! – выпалила разъярённая Стеша, которую обычно никто так не поддевал – не умела она сдерживаться в ответ на выпады в её сторону. – Она никому не нужна! Она... она вообще не должна была рождаться! Родители даже не спросили у меня разрешения!

Дядя немного ошалел... всё-таки патриархальное воспи-

тание не позволяло с ходу уяснить этикие новости:

– Какое ещё разрешение?

– Моё! Они обязаны были спросить, хочу ли я сиблинга!

– Кого? – изумился Скобянов.

– Сиблинги – это дети одних и тех же родителей! – нейтральным тоном пояснила Тома. – То есть, по-русски, просто братья или сёстры.

– Да! Так вот, они обязаны были меня спросить! И я была ПРОТИВ! Мне не нужна была сестра.

– Погоди-ка... а тебе не приходит в голову, что твои родители – не твоя личная собственность, что своими жизнями они как-то уж без тебя распорядятся? – изумился дядя. – И не обязаны они были у тебя ничего спрашивать!

– Ничего подобного! Конечно, они были должны спросить! Их поведение нанесло мне травму. Польки вообще не должно было быть!

– Травмированная Стефания – как это печально, – сочувственно вздохнула Тома, с комфортом расположившись в кресле, чуть поёрзала там и продолжила: – А уж как печально, Стешенька, всё это было вашей младшей сестре! Кстати, а вот вы, Анатолий Павлович... Вы же старший брат, да?

– Да, – кивнул глава рода, не очень понимая, куда клонит Тамара.

– И вы сами... Вы давали разрешение на рождение сестёр? Может, вам тоже не нужны были Валентина и Вера?

– Да что за ерунда? Конечно, никто меня и не спрашивал!

– Тогда вам тоже нанесена травма, и ваших сестёр тоже не должно было бы быть! И вас, Стеша, тем более! Просто потому, что Анатолий Павлович в детстве, если рассуждать по вашей же логике, мог бы и запретить родителям заведение ещё каких-то детей! Зачем они ему нужны-то были?

Анатолий невольно припомнил заунывные вопли Валентины и поморщился. Он явно на миг пожалел, что во время его детства никому и в голову не приходило давать команды родителям, кого им рожать, а кого – нет. И тут же сообразил, что Валентина, какой бы не была, ужасно переживает за жизнь ненаглядной дочки.

– Они же там бегают и ищут Стешку! – спохватился он, и Тома невольно зауважала дядю своего супруга.

– Н-да... как ни крути, а вот ответственность за родичей он реально ощущает. Ещё бы научился спрашивать, нужна ли его помощь или нет, а если нужна, то какая, вообще цены бы человеку не было! – раздумывала Тома, пока Анатолий Павлович дозванивался до заполошной Валентины.

– Валя, не вой! Стеша нашлась! Чего? Ну, конечно, живая и здоровая! Нет, не «Никита нашёл Полину и вытряс из неё, где сестра». Да при чём тут вообще Полина? Твою старшую дочь никто никуда не вызывал! Она пряталась в гардеробной. Почему от Полины? От тебя!

Невнятные восклицания, которые пулемётной очередью вылетали из динамика несчастного смартфона, заставили Анатолия отодвинуть гаджет от уха и с неприязнью поко-

ситься на племянницу.

– Толик, объясни мне, что происходит? – слышался голос Валиного мужа, силой отнявшего телефон у супруги.

– Да ничего такого... Просто твоя старшая дочь позавидовала Полине и решила её подставить, чтобы мы все поверили, что та на неё покушается. Стефания, ЗАМОЛЧИ! Она написала записку, положила на видное место, а сама спряталась в собственной гардеробной. Тут я её и обнаружил.

– Стеееешенька, доооченькааа... – из смартфона прорывались рыдания Валентины, которая пока что уяснила только то, что дочь жива, и разрыдалась от облегчения.

– Короче, разворачивай всех обратно, – велел Анатолий, отключая гаджет, а потом уставился на племянницу:

– Ты хоть соображаешь, что там с твоей матерью творится? А если бы ей стало с сердцем плохо? – спросил он.

Стефания откинула одеяло, слезла с диванчика и, отстранив с дороги дядю, прошла в комнату.

– Так не стало же... – хладнокровно отозвалась Стеша, пожав плечами. – Ничего такого не случилось, так что всё в порядке.

– Ну ты и... – Анатолий даже не очень мог подобрать эпитет, изумлённо разглядывая такую без сомнения красивую и абсолютно бессердечную девочку.

И тут ему пришло в голову, что девочкой Стефанию называть как-то неправильно.

– Погодите-ка... так лет-то ей почти тридцать! Точно-точ-

но! Валентина все уши прожужжала о том, что у Стешеньки скоро юбилей и ей надо какой-то подарок от семьи. Покруче, – думал он. – Так какая же она, простите, девочка, пусть даже и выглядит, как наивный оленёнок? – скорректировал Анатолий Павлович свои мысли, продолжив в том же направлении: – Она молодая женщина, которая, кстати, финансово сидит на моей шее, для приличия страдая в местной библиотеке на полставки.

Он перехватил восхищённый взгляд Тамары, которая наблюдала за Стешей, как за королевской коброй в террариуме – красивое, но крайне ядовитое существо, к которому лучше не подходить! Никита вообще отошёл в сторону, упорно глядя в окно – даже смотреть на кухню ему не хотелось.

Вообще-то Анатолий его преотлично понимал – ему тоже не хотелось любоваться этой особой, которая запросто могла бы угробить и сестру, и родителей.

Он вышел из комнаты, пропустив в коридор Тамару и Никиту, и с трудом удержался, чтобы не хлопнуть дверь – так его разозлило спокойное выражение лица Стеши, которая устраивалась в кресле с каким-то журналом в руках.

– Стоп! А где Полина? – вспомнил он. – Она же убежала после обвинений... Само собой, расстроилась ужасно!

Его привычное восприятие племянниц сделало кульбит и полностью изменилось. Оказалось, что это не Стеша – несчастная жертва ревнивой Полины, а наоборот вовсе даже! И получается, что Поля вовсе не неразвитая девица, ко-

торая годится только на то, чтобы хозяйством заниматься...

– Погодите-ка... но ведь она же всю осень ко мне приезжала! Даже ошибки кое-какие нашла в результатах работ, – недоуменно припомнил он, выходя из комнаты старшей племянницы. – Почему я не сообразил, что не может тупая и глупая так соображать? И ещё... если она не хотела, чтобы я её пригласил тут помогать, так зачем она приезжала?

Он так задумался, что последний вопрос произнёс вслух, получив неожиданный ответ:

– У неё здесь по работе объект рядом – чуть дальше по шоссе. А заезжала она к вам потому, что... только пообещайте, что ругаться на неё не станете! – сказала Тамара.

– Да нашлась бы живая-здоровая! – вздохнул Анатолий. – На что уж мне ругаться...

– Она щенка чуть не сбила, когда первый раз к вам приезжала. Подобрала его, поехала в деревню – решила, что это оттуда щень. Оказалось, что нет, что его, похоже, дачники выбросили. Поле деваться было некуда, она – девушка добрая и ответственная. Короче, она псинку тут в сарае прятала, ну и приезжала её кормить, планировала забрать, как только снимет другую квартиру. Она очень боялась, что вы рассердитесь... ну, а ещё наслушалась деревенских. Они не знали, что Поля ваша родственница, вот и наговорили всякого, что вы, дескать, собак боитесь, нипочём не согласитесь... Сами понимаете, они-то вас толком не знают, не понимают, что вы – человек сильный и благородный, и не стали бы воевать с

маленьким щенком и собственной племянницей.

Никита держал непроницаемо-бесстрастное выражение лица, наблюдая, как с его дядюшки снимают стружки неприятия, гнева, раздражения, выуживая на поверхность нечто другое. Да, он крайне самоуверенный, не считающий нужным уточнять, а что сам-то человек хочет, и надо ли его облагодетельствовать, но...

– Но ответственный, что есть, то есть! – неохотно признал про себя Никита. – Надо же, похоже, проникся.

– Так эта дворняжка, которая у меня в саду иногда показывалась, Полинина? – уточнил Анатолий Павлович.

– Да, так и есть, – кивнула Тома.

– Так что ж она мне сразу-то не сказала? Да, я не люблю собак, но... но Полину бы принял без вопросов. Да и потом... а что значит, снимет другую квартиру? Ей что, жить негде? Мне Валя ничего такого не говорила. Я думал, она у родителей живёт. Да, она когда-то в общежитие переехала – ей так удобнее до института было добираться, но потом-то...

– Я думаю, что дело было вовсе не в удобстве, а в том, что её Стеша просто выжила из дома, – сухо заметил Никита. – И потом она домой так и не вернулась. Да если честно, какой же это дом, если там так к родному ребёнку относятся?

Дядя только хмыкнул.

– Н-да... и тут я промахнулся. А ведь я предлагал Вале деньги для Полины... Она мне сказала, что ничего не надо, Поля всё равно не умеет с ними толком обращаться. Не по-

нимаю, почему?

– Думаю, что, если бы Стефания узнала, что вы и Полине помогаете, ураган был бы, – пояснила Тома, аккуратно направляя Анатолия в нужном направлении.

– Погодите, а куда это мы идём? – встрепенулся Скобянов. – Надо же Поле ещё раз позвонить – найти её! Да, Валя набирала постоянно, но девочка трубку не брала, и это понятно – так её обвинить! Но, может, хоть сейчас ответит – я ей сообщение напишу!

– Не нужно её искать, мы знаем, где она находится, – Тома спокойно улыбалась изумлённому Анатолию.

– Просто речь о том, будете вы её ругать за собаку или нет. Мы уж, простите, посамоуправничали немножко – взяли на себя смелость привести Полиного щенка в дом. Полинка без неё уже никуда бы и не пошла. Оказывается, всё это время она со щенком была в дальнем сарае. Только собака бедняжку и поддерживала...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.